

О МОЁМ ФИЛОСОФСКОМ ПОКОЛЕНИИ «ПЯТИДЕСЯТНИКОВ», ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФАХ. ФАКТЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ¹

Д.И. Дубровский
Институт философии РАН

Аннотация: В статье выясняются особенности философского поколения «пятидесятников». Рассмотрение проводится на примерах из биографии автора и на материалах деятельности многих видных философов и учёных того времени, с учётом знаковых социально-политических условий, связанных со смертью Сталина, «хрущевской оттепелью», других событий, которые повлияли на оживление философской жизни. Оно проявилось в заметном обновлении философской проблематики, возникновении дискуссий по ключевым проблемам диалектического материализма (вопросам теории познания и методологии науки, проблеме идеального, соотношении индивидуального и общественного сознания, природного и социального, физиологического и психического). В этой связи освещаются вопросы известной дискуссии автора с Э.В. Ильенковым, материалы критического рассмотрения Загорского эксперимента. В статье содержатся ответы на ряд вопросов, поставленных участникам проекта его руководителем Ю.В. Синеокой.

Ключевые слова: философское поколение «пятидесятников», его особенности, обновление философской проблематики во второй половине 50-х годов, методология науки, психика и мозг, природное и социальное, проблема идеального, общественное и индивидуальное сознание, концепция субъективной реальности.

Вначале важно уточнить, что означает понятие «философское поколение». Взятое в общем виде, оно требует конкретизации по временным, социокультурным, национальным, а возможно, по региональным и некоторым другим признакам, чтобы далее выяснять особенности и результаты его профессиональной деятельности, отличные от предыдущего или следующего поколения. Оно может быть весьма полезно в историко-философских исследованиях, так как позволяет комплексно отобразить и осмыслить определённые знаковые периоды, в которых выдвигались новые идеи, проблемы, формировались новые направления философской мысли с их яркими лидерами (как, впрочем, и наоборот, когда имеются в виду периоды застоя, «безвременья», расправы со свободомыслием). Здесь, правда, возникает ряд трудно-

¹ См.: Дубровский Д.И. О моем философском поколении «пятидесятников», философии и философах. Факты и размышления. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 143–193

стей, связанных с определением временных рамок, оценками персоналий, анализом зависимости философской мысли от наличных социальных условий.

Вопросы такого рода облегчаются, когда речь идёт о чётко определённых периодах, обозначенных в проекте Юлии Вадимовны Синеокой, начиная с «пятидесятников». Здесь сразу заданы конкретные ограничения. Это – советские философы, начавшие и развивавшие свою философскую деятельность в 50-е годы прошлого века, в строгих рамках марксистской идеологии, под влиянием хорошо известных социально-политических условий и событий того времени и с учётом по крайней мере десятилетнего предыдущего периода их жизни и деятельности, когда формировалось их мировоззрение. Это были люди, прошедшие войну, их мышление воспитывалось в жестокой альтернативе: «друг – враг», «правда – ложь», «жизнь – смерть», создававшей особое, неподдельное чувство подлинности, душевной открытости. Но после войны, когда началась обыденная жизнь с её материальными и моральными трудностями и разнообразными интересами, эта жёсткая альтернатива стала тускнеть и расплываться. Однако у философов-марксистов, как у «бойцов идеологического фронта», эта альтернатива целиком сохранилась, даже обострилась в связи с послевоенным возрастанием борьбы против буржуазной идеологии.

Надо отметить, что войну прошли и те, кто был старше «пятидесятников» на 10, 20 и даже на 30 лет. Но советские философы этих поколений всё же обладали особым социально-политическим и экзистенциальным опытом (старшие из них прошли революцию и Гражданскую войну, те, кто помоложе, – бесконечные партийные разборки и чистки, а главное, сталинские репрессии). У них было более вышколенное сознание, более узкое проблемное поле, строго ограниченное официально поставленными задачами партии. В 50-е годы они представляли в подавляющем большинстве самую догматичную, надзорную часть философов-марксистов. Хотя «пятидесятники» тоже пережили острый «накал идеологической борьбы» конца сороковых – начала пятидесятых годов, после смерти Сталина диапазон возможностей их философского мышления расширился, они могли до некоторой степени расслабиться в период «хрущевской оттепели». Поэтому можно говорить о специфических чертах деятельности «пятидесятников», несмотря на разнообразие и зачастую противоположность их позиций по ряду философских вопросов. Правда, в последующие годы они уже мало отличались от тех, кого по временному признаку именуют «шестидесятниками» и «семидесятниками».

Я уверен, что проект Юлии Вадимовны Синеокой будет интересен и полезен новым поколениям философов. Важно чувствовать и всемерно сохранять связь времён! К тому же некоторые «пятидесятники» продолжают успешно работать до сих пор и могут содействовать обзору философской деятельности в последовавшие десятилетия.

О тернистом пути в философию

Я окончил философский факультет Киевского университета в 1952 году и вполне могу быть отнесён к «пятидесятникам» – группе самых «древних» сотрудников нашего института. Мой путь в философию был, наверное, нетипичным. Я попал на философский факультет случайно, и об этом стоит, наверное, рассказать.

Когда началась война, мне было 12 лет. Отец с первых дней войны был уже в армии. Нас с матерью, семилетним братом и новорожденной сестрой эвакуировали в Сталинградскую область, в село, где я сразу стал работать в колхозе – сначала на конюшне, потом прицепщиком на тракторе, а потом мне доверили ответственное дело – возить для комбайнов бочки с бензином на волах из райцентра за 30 километров. Прибавив себе год, я вступил в комсомол. В сентябре 1942 года, когда немцы окружили Сталинград, нас вторично эвакуиро-

вали километров за триста в город Маркс Саратовской области. Там я сразу поступил на военный завод, работал токарем. В конце же 1943 года я удрал на фронт со своим приятелем. Мы были яркими патриотами, как тысячи других мальчишек, мы рвались защищать Родину. Но нас не брали. Тем более что в 1943 году вышел приказ: убрать из действующей армии всех, кто не достиг призывного возраста. Удивительно, что нам удалось по дорогам военного времени добраться за тысячу километров почти до самого переднего края в Белоруссии. Но там нас арестовали. Через две недели выпустили. Мой приятель вернулся домой, а я остался. И мне невероятно повезло. Я попал всё же в свои 14 лет в действующую армию.

Меня демобилизовали в августе 1945-го. Я вернулся домой в город Мелитополь. Горком комсомола направил меня секретарём комитета комсомола на завод. Там, занимаясь комсомольскими делами, я работал токарем и пошёл учиться сразу в 7-й класс вечерней школы (до войны окончил 5 классов и больше не учился). Надо было навёрстывать упущенное, мои сверстники учились уже в 10-м классе. Через год я поступил на подготовительное отделение Мелитопольского института инженеров-механиков сельского хозяйства. Туда брали после 8-го класса, за один год обучали программе 9-го и 10-го классов, принимали экзамены на аттестат зрелости и зачисляли в институт. Меня взяли туда, правда, с большим трудом, после 7-го класса. Но я не хотел быть инженером-механиком. Меня, необразованного, почти ничего не читавшего за четыре года войны, как ни странно, сильно привлекала художественная литература и поэзия. Я мечтал поступить на филологический факультет университета.

После окончания подготовительного отделения сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поехал поступать в Киевский университет. Там оказалось, что на филологический очень большой конкурс, надо сдавать вступительные, в том числе иностранный язык, а у меня с ним – беда (учил английский только в 7-м классе вечерней школе и через пень-колоду на подготовительном отделении). Как быть? И тут вижу объявление о приёме на философский факультет, где конкурс два человека на место. Я тогда вообще не знал ничего о философии, слышал, будто это что-то очень умное, возвышенное. Очень хотелось поступить в университет, потом, может быть, удастся перевестись на филологический. Взял и подал на философский. Все экзамены сдал неплохо, а на английском – полный провал. Экзаменатор, пожилая женщина, посмотрела на мою застиранную солдатскую форму, на регалии, и поставила тройку, спасла меня. А как участнику войны, мне были положены ещё и льготы. Так я поступил на философский факультет.

Философский факультет Киевского университета

Я учился на этом философском факультете в самые мрачные для меня (и не только для меня!) годы: 1947–1952. Всё время, особенно в первые три года, начиная с 1948-го, гремели партийные и прочие собрания, на которых клеймили Зощенко и Ахматову за безыдейность, Шостаковича и Прокофьева за формализм в музыке, а главное «безродных космополитов» и всевозможных прислужников буржуазной идеологии, сионистов и двурушников, враждебную нам генетику, сторонников идеализма в физике, отступников от павловского учения, от марксистского языкознания и т. д. А на горизонте уже маячило знаменитое «дело врачей», «убийц в белых халатах».

Я был идейным комсомольцем, но душа моя страдала от вопиющих противоречий, неправды и несправедливости. Почему, за что изгоняют из университета самых лучших, талантливых преподавателей и студентов? Почему уважаемые мной люди, в том числе офицеры-фронтовики с нашего курса, члены партии, молча сидят на собрании, а кое-кто ещё дипломатично поддакивает. И кто же выступает с трибуны в роли праведников, защитников высоких идей? Кроме официальных лиц и членов парткома, чаще всего – заведомые приспособленцы и самые отвратные личности. Был в нашей группе великовозрастный студент

по фамилии Масько, прослуживший всю войну в звании старшины охранником в сибирских лагерях, член партии, конечно. Он выступал почти на каждом собрании с яростными речами, призывая к большевистской бдительности и к расправам. Вскоре он стал членом парткома и поучал теперь не только нас, студентов, но и преподавателей.

Учебный процесс был сильно идеологизирован. Подавляющая часть времени отводилась изучению трудов классиков марксизма-ленинизма, в первую очередь, конечно, «гениальных произведений великого вождя и учителя советского народа, горячо любимого товарища Сталина». Нам, конечно, читали лекции по истории философии, рассказывали об учениях Гегеля, Фейербаха, но экзамены мы сдавали по учебнику, по примитивной схеме, которая соответствовала планам лекций. Преподаватель, какой-то невзрачный пожилой субъект, держась за кафедру, монотонно читал свой конспект. Как бы не оступиться, не сказать лишнего, к чему может придаться бдительный проверяющий.

На факультете, конечно, были уважаемые преподаватели, но многих уже смутно помню. С третьего курса лекции по истории философии стал читать доцент Третьяк. Он тоже пользовался конспектом, но его лекции были чёткими, весьма содержательными, прививавшими интерес к трудам классиков философии. Ярko осталась в памяти Мария Львовна Злотина. Она прошла всю войну, дважды была тяжело ранена, ходила с палкой, а временами на костылях, и лицо её было сильно обезображено. Но она оставалась весёлым, добрым человеком, курила вместе с нами на переменах и вела горячие дискуссии. Мария Львовна читала лекции и проводила семинары по диалектической логике. Этот предмет давал обильную пищу для острых вопросов. И, к удивлению, она смело отвечала на них, затрагивая часто запретные моменты. Масько писал на неё гнусные доносы. Но Мария Львовна была непотопляема, продолжала в том же духе. И ещё заступалась за студентов, которым «шили» уклонения от марксизма-ленинизма. Ничего не боялась! Говорили, что её поддерживал один из секретарей ЦК Компартии Украины, с которым она прошла самые тяжёлые годы войны.

На факультете было три профессора: декан Шлепаков, заведовавший кафедрой истории философии, но редко читавший лекции. Это нам нравилось, ибо в них после нудного разжевывания общих мест следовали долгие и скучные воспоминания о его общении с сильными мира сего и о своём преподавательском опыте. Как декан, он выглядел добреньким, доступным, мог выслушивать просьбы студентов на ходу в коридоре, всегда сочувствовал, обещал, но никогда ничего не делал, не подписал ни разу ни одной простейшей справки, отправлял всех к заместителю декана, доценту Федоренко, который умел быстро решать все вопросы.

Другим профессором был зав. отделением логики Москаленко – высокий пятидесятилетний вдовец, весьма равнодушный к женскому полу. Он всегда был тщательно выбрит, носил усы щёткой и бородку клином. В добротном костюме, с жилеткой, в пенсне и перстнем на правой руке, он имел вид эдакого высокомерного вельможи. Но на таком фоне особенно резко выступала его неграмотная русская речь, пестревшая украинизмами, били в уши плоские суждения, неуместные плебейские шуточки. Он был амбициозным и вспыльчивым, всех студентов грубо называл на «ты», то кричал, а то вдруг иногда панибратски хлопал по плечу. Но большей частью мы слышали от него длинные язвительные замечания, и в них было что-то явно базарное. Мы дружно не любили Москаленко, и он платил нам той же монетой, особенно на экзаменах.

Москаленко и Шлепаков не были докторами философских наук, получили свои гордые профессорские звания за идеологические заслуги на образовательном поприще.

А вот третий профессор, руководитель отделения психологии Раевский, был настоящим профессором и украшением факультета. Высокий и статный, лет за 60, с красивой сединой и благородным выражением лица – явный недобиток старой русской интеллигенции, – он был в общении сдержан, но учтив, внимателен к вопросам студентов, чётко, убедительно

отвечал на них. Будучи в окружении студентов, задававших вопросы, умел одной своей осанкой, выражением лица, взглядом «выключать» хамоватых студентов и нагловатых партийцев, таких как Масько; они почему-то быстро оказывались у него за спиной, а он, как бы не замечая этого, продолжал беседу. Его лекции мы не пропускали, профессор Раевский не просто излагал интересные вопросы психологии, но учил самостоятельно мыслить, строить доказательства и контраргументы. Опасный человек! Как его столько лет держали на факультете? На его лекции часто приходил «проверяльщик» из какой-то инстанции, в том числе связанный с КГБ. Мы его легко вычисляли, как и сам Раевский. И вот тогда я наблюдал, с каким отточенным искусством лектор обходил минные поля, сохраняя достаточно полное изложение темы.

Киевский университет – тяжелейшая, мрачная полоса моей жизни. Единственные добрые воспоминания – о профессоре Раевском, Марии Львовне Злотиной, ещё о нескольких порядочных людях и друзьях. И пожалуй, одно, действительно светлое пятно: занятие в парашютном кружке, пару десятков прыжков на четвёртом курсе, жуткое чувство вначале, когда проваливаешься в бездну, а потом необыкновенной радости, восторга от нескольких секунд свободного полёта без раскрытия парашюта и затем плавного снижения.

Философия и слесарное дело

После окончания факультета выпускники получали разные назначения: не говоря уже об аспирантуре, некоторых, хорошо «проверенных», взяли в КГБ, других в партийные органы и на идеологическую работу, преподавателями философии в институты и высшие партийные школы. А вот определённый контингент («инвалиды пятой группы», как их называли, в силу пятого пункта «национальность» в личном листке по учёту кадров) направили большей частью в села Киевской области учителями в школы и заведующими клубами. Для меня, относившегося к этому контингенту, все привилегированные назначения были закрыты, но я всё же получил, видимо, как участник войны, неплохое назначение – в город Донецк (в то время он назывался Сталино), в среднюю школу, преподавателем логики и психологии (тогда эти предметы только были введены). Правда, через два года их отменили, и я вернулся к своей пролетарской профессии – стал преподавателем труда, слесарного дела, организовал в нашей мужской школе хорошо оборудованную мастерскую. Новая работа мне очень нравилась. Начав с простого, с болтов и гаек, мы стали делать сложные приспособления для физического кабинета, детали для ремонта школьной системы отопления и многое другое. Ребятам ходила за мной табунами, почувствовала свою значительность, а вслед за нею это почувствовал и я; вот что значит уметь делать из железа своими руками полезные вещи. Никогда после я не пользовался таким авторитетом у своих учеников, как тогда.

Это было хорошее для меня время. В донецкой областной библиотеке я нашёл немного запылённые труды почти всех философских классиков, выписывал журнал «Вопросы философии», читал философские книги по интересующей меня тематике (которые удавалось достать). В общем, по всем канонам марксизма сочетал физический труд с умственным. Вместе со мной в Донецк получили назначение ещё два человека. Не выдержав и года, они вернулись домой, в Киев. Я долго оставался единственным дипломированным философом в Донецке. Но меня это несколько не тревожило, даже, пожалуй, являлось благом. Самому приходилось делать первые робкие шаги. А они, как со временем стало ясным, оказываются в жизни самыми важными. После пяти лет учёбы в Киевском университете я теперь переучивался.

К тому было много новых стимулов. Умер Сталин. Прошёл XX съезд партии с разоблачением культа личности. Началась так называемая хрущёвская оттепель, которую я и многие

встретили с воодушевлением и большими надеждами. Меня, правда, по-прежнему не брали в Донецкий университет даже преподавателем логики, хотя вот уже два года как её ввели в программу, но лекций не читали из-за отсутствия специалистов (я же был не в счёт).

В 1954 году, после двухлетней упорной подготовки, я поехал в Москву поступать в аспирантуру Института философии (вот когда я с ним впервые встретился!). Друзья говорили: не будь наивным, не трать даром время и нервы. Я точно знал: в Киеве нет никаких шансов, но верил, что Москва не Киев, там больше правды и справедливости.

Первый вступительный экзамен по диалектическому материализму принимал доцент Дмитрий Павлович Горский, молодой, симпатичный и по виду добрый человек. Я хорошо отвечал на все вопросы, он задавал дополнительные, не совсем по теме, с каким-то чувством неуверенности, я почувствовал, что ему неловко со своей совестью, и начал понимать, что у него, наверное, инструкция. Со вздохом, он поставил четвёрку. На следующем экзамене по историческому материализму не было никакой дипломатии: через две-три минуты после начала ответа сурового вида дядя сказал «хватит!» и поставил тройку. Так я, наконец, твердо понял, что мне не светят никакие «аспирантуры». Хочешь диссертацию – делай сам! А не хочешь или слаба гайка – не лезь туда!

Это был своевременный и очень полезный урок, преподнесённый мне Институтом философии. Надеяться на себя, рассчитывать на себя! Хотя мне в жизни очень сильно везло с хорошими людьми, помогавшими мне, причём на самых разных уровнях, иногда даже на уровне большого начальства. И часто не просто помогали, но спасали жизнь и выручали в самых тяжёлых случаях. Если бы не они, меня просто бы давно не было! О некоторых я дальше, хотя бы кратко, расскажу.

Кстати, через двадцать лет, когда я был уже профессором философского факультета МГУ и заведующим отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания журнала «Философские науки», а Дмитрий Павлович Горский был членом редколлегии журнала по моему отделу, мы с ним приятельствовали. Но он, конечно, не помнил о нашей столь давней встрече, а мне незачем было ему напоминать.

Проблема сознания

Как я уже говорил, моё «одиночество» в Донецке было весьма полезным, тем более что главный мой философский интерес определился пусть не совсем ясно, но уже в первый год преподавания психологии в школе. Для этого, конечно, были и более глубокие источники – особо значимые события собственной жизни. Мой главный интерес был, если говорить кратко: «Проблема сознания». Как он возник?

Во время войны, особенно на фронте, я не раз попадал в экстремальные ситуации, когда надо было что-то сделать во что бы то ни стало, а сил не было и веры не было в то, что смогу, но после мучительных усилий вдруг получалось, и я сильно удивлялся самому себе.

Вот пример. Это произошло в Белоруссии летом 1944 года во время знаменитой наступательной операции «Багратион». После затянувшегося до поздней ночи боя нам не удалось даже часа поспать. Подъём! И марш-бросок на 30 километров по песчаным белорусским дорогам в «полном боевом». Это означает, что помимо автомата и патронов в двух дисках и ещё около килограмма россыпью, двух гранат, продзапаса, включая большую банку американской тушёнки, разных солдатских вещей в рюкзаке, сапёрной лопатки, шинели, плащ-палатки и т. д. – всего на тебе навьючено килограммов 15, если не больше. Хорошо ещё старшина сдал противогазы куда-то в батальонный склад своему дружку.

В таких переходах под такой нагрузкой я ещё не участвовал. И мне тогда было 15 лет. Первые десять – двенадцать километров я выдержал. Помню, забрезжил рассвет и у меня на-

чались проблемы: почувствовал сильно нарастающую усталость, тяжесть дыхания, и с каждым шагом всё хуже и хуже; и вот уже явно нет никаких сил, последние шаги, сознание мутится, Последний шаг, всё! Больше не могу; и тут я вдруг увидел в уме картину, как я упал, старшина толкает меня сапогом «поднимайся», комвзвода ругается матом. В самом деле: что делать? Не тащить же меня на носилках, и оставить нельзя, взвод остановился, сейчас придут смотреть на меня остальные... Это – невозможно! Какой жуткий позор! Какой ужас! Что-то происходит со мной, я, не замечая, делаю ещё шаг, потом ещё один шаг, а потом как бы можно идти дальше, и через минуту-другую ты опять начинаешь чувствовать свои силы. Короче, у меня было ещё потом и третье дыхание, но я достойно выдержал марш-бросок. Более того, дойдя до указанной деревушки, мы с ходу выбили из неё немцев, хорошо окопались и только после этого упали на землю, закурили...

В чем же дело? Значит, мой организм имел силы, обманывал, ослабил сознание, волю? Зачем? Где же они таятся, эти силы, и как их взять, когда доходит до края? На фронте не до размышлений такого рода. Пронесло, и ладно! Но что-то застревает в сознании, незримо повышает веру в себя.

Приведу ещё один показательный пример. После неудачной атаки сильно поредевшую в боях роту пустили в обход укрепленной позиции по болоту, считавшемуся малопроезжим, – открытая местность метров триста, за ней лес. Дело было в начале марта 1945 года, в Восточной Пруссии. Только мы прошли метров 50, как из леса ударил пулемёт. Рядом упал один, другой, третий, и мы все дружно бросились в болото. Помню, как мне за шиворот стала затекать ледяная вода. Начало марта, ночью ещё заморозки. Мы пролежали в болоте два часа, пока не стемнело. Шевелиться особенно нельзя, сразу по тебе врежут. Пулемётчик был один, но его хватало на всех. Человека три, нетерпеливые, были сразу убиты. И теперь вопрос: что было бы сейчас с вами или со мной, если бы мы пролежали в таком болоте хотя бы 15 минут?

Когда стемнело, мы рванули вперёд, конечно, прыгали, махали руками, мчались изо всех сил на позиции, куда мы должны были выйти, но там располагались уже наши солдаты, и они не пожалели для нас ударной выпивки. В роте оставалось около 30 человек, все были на виду пару дней. Никто не заболел! Я собрал потом множество подобных фактов, не только времён войны, – ясное свидетельство огромных жизненных ресурсов, до которых наше сознание не может добраться, хотя временами оно и способно творить чудеса. Дело ведь не только в физических силах, а, главное, в нравственных, духовных силах, которых нам так часто недостаёт. Однако мы хорошо знаем многие факты великих духовных подвигов, совершенных известными личностями. Значит, такие силы тоже реальны, они, несомненно, существуют.

Конечно, высокие духовные ценности представлены в системе культуры, хорошо всем знакомы, но речь идёт не просто о знании, а о реализации их в своих убеждениях и действиях, что способны совершать лишь конкретные личности. И такого рода действенные высокие идеи и ценности тоже хранятся не где-то в горних высях, а опять же в нашем брэнном теле и нашем целеполагающем сознании, в нашем Я.

Вот вам и «проблема Сознания», взятая во всей её исключительной многомерности, органически включающая связь с нашей биологической историей, генетикой, телесностью и мозгом, а также вместе со всеми социальными эволюциями и революциями, мировой культурой, этническими, экзистенциальными, национальными, религиозными, этическими, политическими, экономическими, технологическими и др. особенностями, в единстве со всем этим многообразием. Хочу подчеркнуть, что проблема сознания должна осмысливаться в неразрывной взаимосвязи индивидуального и общественного сознания. Это вопрос принципиальной важности.

Разумеется, определяя для себя проблему сознания, я отдавал себе отчёт в её чрезвычайной сложности, многомерности и необходимости выбирать один аспект, который не закрывал бы, однако, всё проблемное поле сознания и позволял бы ясно видеть его, а затем переходить к другим её существенным аспектам и углублять осмысление проблемы сознания в целом.

Я выбрал классические вопросы связи сознания и мозга. Но они тоже оказались весьма широкими и сложными, требовали серьёзного изучения нейрофизиологии.

После долгих размышлений я, наконец, сформулировал приемлемую тему диссертации, которая сегодня звучит непривычно, но составляла в те годы предмет реального и сравнительно оригинального исследования: «Анализ-синтез как всеобщая форма отражательной деятельности мозга». Речь шла о соотношении категорий анализа и синтеза в философии (теории познания), логике, психологии и нейрофизиологии (в учении И.П. Павлова эти категории выполняли важную объяснительную функцию в управлении организмом и мозгом). Тем самым я пытался раскрыть особую роль аналитико-синтетической деятельности мозга – как на уровне познавательных процессов, так и на уровне психической деятельности мозга, управляющей целеполаганием, саморегуляцией и напряжением воли.

«Хрущёвская оттепель»

Надо признать, что «хрущёвская оттепель» заметно оживила философскую жизнь, появились проблемы, которые ранее считались нежелательными, расширился диапазон их интерпретации. Это особенно ярко проявлялось в области теории познания, логики, философских вопросов психологии, ряда аспектов проблемы сознания и др. Большую роль сыграло издание «Философской энциклопедии», главным редактором которой числился академик Константинов, но вся работа, как мы знали, лежала на плечах его заместителя Александра Георгиевича Спиркина с его друзьями и коллегами. Статьи энциклопедии активно обсуждались, вызывали, как правило, острый интерес. У Спиркина были большие неприятности и споры с Константиновым, но ему часто удавалось пробивать такие нестандартные статьи. В этой энциклопедии я прочёл известную статью Э.В. Ильенкова «Идеальное» [Ильенков 1962], которая произвела на меня большое впечатление, стала стимулом моих размышлений и в дальнейшем основой известной дискуссии с автором.

Большое оживление философской жизни произошло в наших так называемых странах народной демократии. Там стали выходить интересные философские журналы, особенно в Польше, где они всегда скользили по самому краю марксизма, а тут уж совсем начали «срываться с цепи»; их, правда, временами охлаживали. Академический журнал «Studia Philosophiczna» для меня был весьма интересен, в нём широко освещались вопросы эпистемологии и методологии науки с позиций логического позитивизма, идей Рассела, Витгенштейна, Поппера, крупных польских специалистов по логике. На социальные темы там витийствовали Ежи Бауман и другие свободомыслящие фигуры. Я выписывал этот журнал и внимательно читал многое с большим интересом, но всё же нередко под привычным критическим углом.

Дело в том, что я неплохо знал украинский язык и мне легко было освоить славянские языки: быстро научился читать не только на польском, но и на чешском, словацком, болгарском и даже на сербском. Сразу стал выписывать и читать все эти философские издания. Было весьма полезно: всё же другая жизнь, другая ментальность. Хотя они старались, особенно болгары, идти с советскими товарищами нога в ногу, но не всегда получалось. В журналах чаще всего у чехов велись более свободные дискуссии, у болгар широко обсуждалась проблема психики и мозга, я принимал в них участие. Это была тоже неплохая выучка. Ведь

я (и, думаю, мои сверстники) почти ничего не знал тогда о современной западной философии, а тут всё же были многие, часто существенные сведения.

Более того, у нас на волне «хрущевской оттепели» возникла новая тенденция – деловой критики различных конкретных направлений западной философии. Но критикуя «буржуазных философов», авторы обычно подробно излагали их учения и тем самым знакомили с их содержанием, расширяя наш философский кругозор. У представителей постпозитивистского движения, занимавшихся методологией науки, было немало рациональных положений, которые облекались в марксистскую форму и использовались уже в виде «наших» эпистемологических концепций. Это сыграло важную положительную роль. Значительный вклад в вопросы методологии и гносеологии внёс профессор Павел Васильевич Копнин, ставший в то время лидером этого направления; следует также отметить заслуги в этом плане ленинградского профессора Виктора Александровича Штофа, многих других авторов, успешно развивавших это важное направление.

С начала шестидесятых в Институте философии возник сектор под руководством В.А. Лекторского, который успешно развивал вопросы теории познания, опираясь на деятельностный подход. Вокруг него, опубликовавшего ещё в середине 60-х свою известную книгу о проблеме субъекта и объекта [Лекторский 1965], собралась группа очень способных исследователей. В ней был и Э.В. Ильенков, приобретший своими работами по диалектической логике и проблеме идеального значительный авторитет.

Важно сказать, что со второй половины 50-х в западной философии позитивистского направления начался распад знаменитого «Венского кружка» (Гемпель, Карнап, Шлик, Фейгл и др.) – школы логического позитивизма. Она категорически отрицала онтологическую и вообще метафизическую проблематику в философии науки, занимала радикальную позицию физикализма (все подлинно научные знания должны сводиться к физическому, психология – раздел физики, классическая психофизическая проблема – это псевдопроблема в силу её онтологической сути). В 1958 году вышла знаменитая статья Герберта Фейгла «Физическое и ментальное», порывавшая с «Венским кружком» и открывавшая широкую дорогу так называемому постпозитивистскому движению, с его реабилитацией и актуализацией онтологической и метафизической проблематики в науке (интересно, что в этом же году вышла и моя первая статья по кандидатской диссертации). С работы Фейгла начался тот этап развития аналитической философии, в центре внимания которого встала именно психофизическая проблема, чаще всего в виде её конкретизации как «Сознание и мозг», «Психическое и мозг» (Mind-Brain Problem) – тема очень близкая к тому, что меня интересовало с самого начала.

Счастливый 1957 год!

Работая в школе, я много читал, преподавание слесарного дела шло мне на пользу, освежало и обостряло мой ум. Я интересовался не только сознанием, но и многими другими проблемами. В самом начале 1957 года в «Вопросах философии» проходило обсуждение проблемы соотношения категорий необходимости и случайности. Меня, конечно, остро интересовала столь близкая судьбе солдата тайна случайности (жизни и смерти на войне).

Я часто думал об этом, перечитал многое и написал статью «К вопросу об определении категории случайности». Мне приходилось множество раз посылать свои статьи в разные издания, но большей частью мне даже не отвечали. На этот раз я был в плохом настроении, набрался наглости и послал впервые эту статью прямо в журнал «Вопросы философии», который выходил тогда 6 раз в год. Разумеется, без малейшей надежды! И скоро забыл об этом. Но вот примерно через полтора-два месяца я открываю почтовый ящик и вижу письмо со штампом журнала «Вопросы философии». Это был шок. Открываю с замирающим сердцем и

читаю (помню до сих пор наизусть): «Дорогой товарищ Дубровский, извините, не знаем вашего имени и отчества. Ваша интересная статья обсуждена на редколлегии и принята к печати. Она будет опубликована в №3 нашего журнала за 1957 год. Сообщите, пожалуйста, над чем вы работаете, что бы хотели написать для нашего журнала. С уважением, зав. отделом Г. Гургенидзе».

Можете представить, что для меня, преподавателя слесарного дела, означало это письмо! Оно окрылило, удвоило силы. И что с тех пор для меня значило имя «Гургенидзе»!

Я с нетерпением ждал журнала, и он, наконец, оказался в моих руках [Дубровский 1957: 217–220]. Это радостное событие совпало с другим, ещё более радостным. Во всех высших учебных заведениях ввели преподавание философии. Меня, как единственного специалиста, взяли всё-таки на кафедру философии Донецкого медицинского института. Остальные преподаватели философии были с кафедр истории КПСС, политэкономии, из партработников. Меня загрузили с головой, и я с энтузиазмом читал по три-четыре лекции в день и вёл ещё семинары. Сбылась пятилетняя мечта преподавать философию.

И ещё одна неожиданная удача. Партком назначил меня руководить семинаром по философии среди профессоров-клиницистов. Тогда это была для них обязательная форма повышения марксистской идейности. Но кто они были такие? Оказалось, что это – знаменитые, выдающиеся советские терапевты. Во время не столь давней кампании по «делу врачей» они были изгнаны с ведущих кафедр Москвы, Киева и Харькова. Некоторое время они оставались без работы. А наш директор мединститута А.М. Ганичкин, друживший с первым секретарём Донецкого обкома партии, быстро сообразил и, не теряя времени, с его помощью их подобрал, дал им хорошие квартиры, создал все условия, сделал заведующими кафедрами (начальству ведь тоже нужны хорошие врачи!). Так в Донецке появилась блестящая плеяда профессоров, кстати, авторов основных учебников по терапии для медицинских институтов. И меня назначили учить их философии. Это были очень солидные личности, пользовавшиеся в советской медицине большим авторитетом, и они взирали на меня, невзрачного, неряшливо одетого молодого человека, с плохо скрытым презрением, почти как на пустое место (но были обязаны подчиняться требованиям власти, изучать марксизм, никуда не денешься, хлебнули унижения и горя предостаточно).

Я понял, что мне предстоит, и хорошо подготовился. Предложил им тему, согласованную мной не без труда в парткоме: «Философские и методологические вопросы медицинской диагностики». Это ведь вопросы анализа клинического мышления, их родное дело. Вначале они удивились, что могут быть такие занятия по марксизму. Но потом обрадовались, и дело пошло. На каждом семинаре я ставил интересные вопросы, разгорались дискуссии. Скоро они прониклись ко мне уважением и добрыми чувствами, приглашали на консультации, где разбирались сложные случаи болезни и выздоровления. Это были люди высокой культуры, знатоки живописи, художественной литературы, искусства – профессора Воронов, Губергриц, Франкфурт и несколько других менее известных, был и один психиатр, профессор Сливко. Я вёл этот семинар 11 лет и прошёл у них блестящую школу не только клинического мышления и практики, но и глубокого изучения человеческого сознания во всех его ипостасях.

Надо сказать, что у меня лично был в 1948 году опыт преодоления тяжелейшей болезни – туберкулёза лёгких и одновременно туберкулёза позвоночника, – считавшейся тогда неизлечимой, ещё не было антибиотиков. Меня из Киева, где я начал в сентябре учиться на втором курсе и попал в туберкулёзную клинику, привезли домой в Мелитополь (сам уже не мог ходить), привезли, по существу, умирать. Я нашёл способ победить эту болезнь и через два с половиной месяца вернулся в Киев и успел сдать экзаменационную сессию. Этот случай мы тоже обсуждали с моими учителями по медицинской части. Я показывал им свои

справки и описания болезни, выданные мне из больницы (они у меня хранятся до сих пор). В их многолетнем опыте, оказывается, тоже были такие случаи. О моих медицинских университетах и о процессе преодоления мной туберкулёза лёгких и позвоночника я подробно написал в своих «Воспоминаниях» [Дубровский 2010], так как считал, что это может быть полезным для моих детей и внуков. Кроме того, такой личный опыт, когда человек оказывается на пороге смерти, безусловно, имеет отношение к существенным вопросам проблемы сознания, прежде всего к её экзистенциальным аспектам.

1957 год был для меня счастливым. Мало того что опубликовали статью в «Вопросах философии» и я стал преподавателем института, мне ещё после пятилетней жизни по углам с неопрятными, шумными соседями дали восьмиметровую комнату в коммуналке. Какое счастье! И самое главное, самое важное, самое счастливое – я женился на замечательной девушке, моей студентке старшего курса Евгении Петровне Ковалевой. Теперь началась совсем уже другая жизнь!

Я настойчиво, систематически работал над кандидатской диссертацией, выписал «Журнал высшей нервной деятельности», изучал учебники по нейрофизиологии, посещал лекции профессоров института.

В 1958 году вышла моя статья, в которой излагались основные результаты диссертации [Дубровский 1958: 18–25]. Несколько раз я переписывал её текст, так как не знал точно, какой диссертация должна быть по форме, и хотел сделать её лучше по структуре и по содержанию. Закончил её осенью 1959 года и пытался подать к защите на философский факультет Киевского университета. Там её обсуждали на двух кафедрах, потом на кафедре философии Института усовершенствования преподавателей, потом в Киевском педагогическом институте, посылали в какие-то места на рецензии. Всё это длилось больше двух лет. Мне возвращали её с одним и тем же приговором: работа не философская, обращайтесь к физиологам. Без малейших надежд, я обратился к ним, и, к большому удивлению, это сразу решило все вопросы. Решило, благодаря поддержке директора Института высшей нервной деятельности, вице-президента Академии наук Украины Александра Федоровича Макаrenchенко, который нашёл время вникнуть в содержание диссертации, решительно одобрил её, позвонил самому ректору Киевского университета с укором, что его болтуны-философы не дают хода важным для науки работам, что с этим надо разобраться (мне об этом рассказал Николай Горбач, старший научный сотрудник института, правая рука Макаrenchенко, которому он поручил быть вторым оппонентом по диссертации; мы с ним потом стали друзьями и сотрудничали по методологическим вопросам нейрофизиологии). В итоге ровно через два месяца, летом 1962 года, я защитил диссертацию. Сильно повезло! Замечательный был человек Александр Федорович Макаrenchенко, я так ему благодарен!

*Научный совет по кибернетике при Президиуме Академии наук.
Встреча с Геннадием Сардионовичем Гургенидзе*

Сразу после кандидатской диссертации я взялся за докторскую. У меня не было руководителя. Придумал уже более широкую тему: «Философский анализ психофизиологической проблемы», которая охватывала ставшие весьма актуальными вопросы нейрокибернетики и информатики. Тогда академик Аксель Иванович Берг создал при Президиуме Академии наук Научный совет по кибернетике. Ему удалось реабилитировать кибернетику, которая тоже имела клеймо чуждой нам науки. При Совете была организована философская секция, которую возглавил профессор Борис Владимирович Бирюков, важную роль в ней играл Александр Георгиевич Спиркин и их активный помощник по всем вопросам Ефим Геллер. Для

меня очень важен был этот Совет, а главное, я должен был, наконец, лично познакомиться с дорогим моему сердцу Гургенидзе.

Я собрался и поехал в Москву, встретился в редакции с Гургенидзе, и мы быстро подружились – ещё одна очень большая удача в моей жизни! Геннадий Сардионович Гургенидзе был, без преувеличения, выдающейся личностью. Он прошёл войну с первого дня до конца, от рядового бойца до майора, заместителя командира полка, был трижды ранен, награждён многими орденами, но очень долго скрывал это от меня. Он сочетал в себе исключительную скромность и доброжелательность с жёсткой принципиальностью в вопросах науки и философии. Он не был ни кандидатом, ни доктором наук, хотя по своей эрудиции и глубине философских знаний мог бы легко стать и тем и другим. Но он пользовался в «Вопросах философии» непререкаемым авторитетом, мог выступать против главного редактора, резко спорил с академиками, убедительно аргументировал, и только благодаря его принципиальности и настойчивости в журнале увидели свет статьи таких выдающихся, тогда опальных учёных, как Николай Александрович Бернштейн и Владимир Павлович Эфроимсон.

Гургенидзе находил и публиковал в журнале многих молодых провинциальных философов (взять хотя бы мой пример), весьма часто он долго и настойчиво работал с ними, не жалея времени и сил, доводя статью до публикации. Какой огромный, повседневный, бескорыстный труд, не получавший должной оценки! Можно назвать немало ведущих нынешних философов, которым Гургенидзе открыл дорогу в большую философскую жизнь. Наблюдая в течение многих лет его подвижнический труд, я глубоко убеждён, что он сделал для развития нашей философской мысли гораздо больше множества посредственных профессоров с их многочисленными аспирантами. И я хочу, чтобы имя Геннадия Сардионовича Гургенидзе помнили и чттили!

Редакция журнала «Вопросы философии» размещалась тогда на первом этаже Института философии на Волхонке. Гургенидзе помог мне познакомиться со многими очень интересными людьми. Сначала это был Лёва Баженов и его друзья, занимавшиеся философскими вопросами науки, ставшие уже вполне профессиональными исследователями, у которых можно было многому поучиться. И конечно, я сразу познакомился со Спиркиным и Бирюковым, тоже при участии Гургенидзе, с которым они давно дружили. С тех пор я тесно сотрудничал с философским сектором Научного совета по кибернетике при Президиуме Академии наук, и это была ещё одна большая удача, открывшая новый этап моей философской жизни.

Трёхкратная защита докторской диссертации. Начало дискуссии с Э.В. Ильенковым

Я завершил работу над диссертацией в конце 1967 года. При её подготовке мне оказывал большую поддержку Совет по кибернетике. В ней анализировались категории физиологического и психического, на основе предложенного мной информационного подхода решался вопрос о характере связи психических процессов, сознания с деятельностью мозга, т. е. наиболее важный вопрос психофизической проблемы, по которому у нас шли тогда горячие дискуссии. Ряд наших видных философов считали, что для объяснения сознания с позиций диалектического материализма психофизиологическая проблема неуместна; сознание – сугубо социальное явление, а его пытаются биологизировать. Такую позицию как раз активно защищали Михайлов и Ильенков. Но главное место в диссертации отводилось обоснованию связи явлений субъективной реальности с мозговыми процессами, управляющей и организующей функции психических процессов, психической причинности как виду информационной причинности и задачам расшифровки мозговых нейродинамических кодов явлений субъективной реальности.

Диссертация была рекомендована к защите Научным советом по кибернетике. Оппонентами назначили Спиркина и Бирюкова. Отзыв и рекомендацию к защите прислали академик П.К. Анохин и председатель секции медицинской кибернетики совета, академик В.В. Парин, а при поддержке Гургенидзе – и академик Б.М. Кедров. Тогда докторские диссертации можно было защищать только в Москве, Ленинграде, Киеве и Ростове-на-Дону. Я выбрал Ростов, как город близкий к Донецку.

После некоторых проволочек, связанных с позицией ректора Ростовского университета Ю. Жданова, и обсуждений диссертацию приняли к защите. Третьим оппонентом назначили заведующего кафедрой нейрофизиологии Ростовского университета, профессора Александра Борисовича Когана – крупного специалиста по нейрокибернетике (после его смерти в Ростове создали Институт по нейрокибернетике, названный его именем). Председателем диссертационного совета в Ростове был профессор Михаил Михайлович Карпов, специалист по методологии науки, который весьма одобрительно относился к моим работам. Но в совете было много ярых сторонников Ильенкова, занимавшихся социальной проблематикой, которым вся эта нейрофизиология, кибернетика была глубоко чуждой. Среди них был только один специалист социального профиля, который поддерживал меня, человек весьма авторитетный в Ростове и в Москве – профессор Всеволод Евгеньевич Давидович.

В общем, всё складывалось терпимо. Но надо же! Ровно за два месяца до защиты в «Вопросах философии» вышла моя статья «Мозг и психика. О необоснованности отрицания психофизиологической проблемы», посвященная критике позиции Ф.Т. Михайлова и Э.В. Ильенкова [Дубровский 1968: 119–135]. А в следующем номере журнала, накануне защиты, вышла статья Ильенкова [Ильенков 1968: 145–155], в которой он, отвечая на критику, в ряде случаев не пренебрегал аргументами идеологического характера. Моя статья вызвала бурю негодования в Ростове. Ведь Ильенков для студентов, многих преподавателей и для самого Жданова был тогда кумиром, самым прогрессивным творческим философом, его недавно слегка потрепали в своих выступлениях представители крайне догматического марксистского крыла. А тут какой-то доцентик из Донецка посмел нападать со всякими инсинуациями... Народ дружно организовался, настроился провалить меня во что бы то ни стало.

Большой зал был набит до отказа, защита длилась около 8 часов, какие только антимарксистские ярлыки на меня не навешивали. Но противники умели хорошо считать и видели, что я всё равно соберу достаточное число голосов. И тогда они решили нокаутировать меня проверенным способом. Один из членов совета бросил в урну лишний бюллетень, а счётная комиссия скрыла это. По правилам надо было объявить об этом и заново переголосовать. А зачем? Он ведь и так проходит с двумя голосами. Отсидели 8 часов, пора в ресторан, стол давно накрыт. Тогда это было священным долгом диссертанта. Все члены совета, и сторонники и ругатели, пили за моё здоровье, поздравляли. А назавтра в 9 утра в обкоме партии уже лежало письмо о нарушениях при защите правил ВАК и об антимарксистской диссертации Дубровского. Уже в середине дня срочно был собран совет, притащили одного, еле передвигающего ноги, кого не было вчера, а кого-то «забыли» пригласить, и после краткого обсуждения устроили переголосование и провалили меня одним голосом. Это произошло в конце декабря 1968 года.

Но, как показало голосование, у меня было тоже много активных сторонников, они подняли шум, дошедший до Москвы. Короче, через месяц собрали ещё раз совет и отменили оба голосования. Признали защиту несостоявшейся. Меня вызвал Жданов и сурово посоветовал забрать диссертацию и защищаться в Москве: тут вас точно провалят. Я наотрез отказался. Примерно через месяц-полтора назначили третью защиту. Она была самой «весёлой», длилась 6 часов. Противники строго соблюдали продуманный порядок выступлений, и каждый обвинял меня по очередному пункту моей антимарксистской позиции. Но опять не вы-

шло. Снова я получил лишних два голоса. Снова пришлось устраивать банкет. Я по-солдатски выпил разом почти стакан водки: Всё! Но ошибся. Меня достали, теперь уже в ВАКе, послали большую «телегу» на 22 страницы машинописи, вызвали туда ещё на одну защиту. Но там всё прошло быстро и гладко.

Я, наверное, занял слишком много внимания у читателей этой защитой. Ведь уже писал о ней раньше. Но поскольку это моя, так сказать, итоговая статья, на 92-м году жизни, то хотелось бы о ней напомнить, ибо она ярко характеризует атмосферу того времени, философские баталии, марксистские страсти и убеждения массы вузовских преподавателей. Тем более эта история имела долгое продолжение, дошла из «60-летия» прошлого века до конца «двадцатилетия» этого века. Тоже любопытный феномен, заслуживающий внимания.

До сих пор апологеты Ильенкова в своих ежегодных сборниках «Ильенковские чтения» называют меня «биологизатором», «позитивистом», «вульгарным материалистом» и ещё похлеще: «Дубровский и его сторонники создали некий абрис современной криптопозитивистской софистической гносеологии... в рамках которой все идеалы и ценности латентно сводились к текучим, мимолётным и субъективным психическим феноменам» [Ильенковские чтения... 2016: 53].

Два главных пункта дискуссии с Э.В. Ильенковым и две фундаментальные философские проблемы

После защиты диссертации редакция «Вопросов философии» продолжила нашу дискуссию с Ильенковым. Было опубликовано около десятка статей, причём большинство авторов однозначно поддерживали мою позицию.

До сих пор, однако, содержание дискуссии часто излагается превратно, мне приписывают явно абсурдные положения. Например, в Википедии изложение моей позиции даётся в интерпретации Ильенкова, и вы можете там сегодня прочесть, что «теория Дубровского ведёт к превращению нейрофизиологии в орудие селекции детей и к построению общества по модели Олдокса Хаксли в «Прекрасном новом мире», а не коммунистического общества по модели Маркса и Ленина» [Дубровский Википедия. «Дискуссия». Раздел 2.1]. И конечно, мои оппоненты легко и торжествуя опровергают мою позицию. Даже на сайте Института философии вопросы дискуссии изложены не вполне корректно. Поэтому я хочу точно воспроизвести два основных положения моей позиции и, соответственно, два пункта, по которым я критиковал Ильенкова и Михайлова:

1. Необоснованность отрицания психофизиологической проблемы, которую они считали «пережитком позитивизма»; доказательство её важного значения для защиты материалистической позиции и для объяснения существенных свойств психических явлений (в подтверждение приводились общепринятые фундаментальные результаты научных исследований). Всё это являлось общим местом даже в те времена. О чем здесь дискутировать? Правда, наряду с этим я подчёркивал, что на современном уровне научного знания психофизиологическая проблема выступает «как задача исследования нейродинамического кода субъективных явлений, как задача познания специфических закономерностей информационных процессов в головном мозгу» [Дубровский 1968: 126]. Это положение, конечно, могло вызвать критическое отношение, но мои оппоненты его не обсуждали.

2. В формировании личности, в её развитии необходимо учитывать роль генетических факторов, определяющих ряд её индивидуальных особенностей и их влияние на развитие задатков, формирование характера, успехов в обучении и т. п. (опять же, вроде бы не о чем спорить). Но мои оппоненты изображали мою позицию так, будто я вообще подменяю социальное биологическим, отрицаю решающую роль культуры, воспитания, социальной среды

(т. е. приписывали мне заведомый нонсенс). Тем не менее по второму вопросу у нас остался предмет для дискуссии, так как я признавал, а Э.В. Ильенков категорически отрицал роль биологических, генетических факторов в формировании личности. Известна его знаменитая фраза, что формирование личности есть исключительно социальный процесс на «все 100 %, а не на 90 и даже не на 99 %» [Ильенков 1968: 149]. К тому времени был уже расшифрован генетический код, присуждена за это Нобелевская премия, накоплен огромный материал по генетике человека. Но всё это для него не существовало.

Изложенные вопросы дискуссии сами по себе, как легко увидеть, не представляли особого научного интереса. Но они имели важное значение в том смысле, что за ними возвышались фундаментальные философские проблемы, которые по-разному оценивались и решались нашими сторонниками. Именно эти фундаментальные проблемы продлевали дискуссию и сохранили её актуальность до сих пор (за последние 10 лет было опубликовано более двух десятков статей, касающихся нашей дискуссии, из них многие в журнале «Вопросы философии» [Вопросы философии 2010; 2013а; 2013б; 2013в; 2015; 2020].

Коротко обозначу эти фундаментальные проблемы. Первая из них это биосоциальная проблема – широкий комплекс вопросов о связи, взаимообусловленности природного и социального, причём не только в формировании личности, но в истории возникновения социума, во всем социальном развитии, в нынешнем неуклонном обострении глобальных проблем нашей цивилизации и её мрачной перспективы. Это – ключевая, судьбоносная проблема нашего времени.

Во времена дискуссии с Ильенковым у нас в философии и в общественном сознании доминировала, как известно, крайняя социологизаторская установка, ярким выразителем которой он как раз и являлся. Всё определяется социальными причинами, государством, деятельностью партии, марксистской идеологией, общественными организациями, социальным управлением и воспитанием. Человек – властелин природы, он продукт всей этой деятельности, воспитание – демиург личности, оно формирует из него строителя нового мира. При чем тут генетика?

Но разве неясно, что отрицание роли генетических, природных факторов в формировании личности означает не только разрыв с наукой, но и средство оправдания тотальной уравниловки. Все одинаковы от рождения, и государство из любого сделает такую личность, какая ему нужна. Генетика же свидетельствует, что каждый из нас уникален от рождения и что эта исходная уникальность есть фундаментальная ценность, ибо в процессе социализации, формирования личности она обуславливает неповторимый набор способностей и возможностей социальной жизнедеятельности и может упрямо противостоять нежелательным социальным воздействиям. Получается, что генетика – препятствие на пути марксистской программы формирования личности и на пути преобразования природы. Она ограничивает, а нередко и посрамляет широковещательные цели и действия партийного руководства.

И тут естественно возникает вопрос о причинах варварского разгрома отечественной генетики (занимавшей лидирующее место в мире), произведённого в 1948 году Лысенко на знаменитой сессии ВАСХНИЛ. Его доклад был одобрен Сталиным. Безусловно, это была продуманная и тщательно подготовленная акция. Надо помнить, что при поддержке партийных органов в неё внесли большой вклад философы – подручные Лысенко в лице таких фигур, как Презент и др., которые обосновывали разгром генетики высокими идеологическими соображениями. И нельзя забывать, чего это стоило советской науке! Выдающиеся генетики были не только изгнаны из своих институтов, но многие из них оказались в лагерях, в тюрьмах и были уничтожены, как великий генетик, директор Всероссийского института растениеводства, академик Николай Иванович Вавилов, а до этого, надо помнить, были расстреля-

ны директор Медико-генетического института С.Г. Левит и выдающийся генетик Н.К. Беляев. Число таких примеров можно продолжить.

Радикальная социологизаторская установка с её принципом всеислия общественного воспитания принижала личность, отнимала свободу целелогаания. Всё определяет всемогущий Воспитатель. Но хорошо известно, что неизменными факторами формирования личности являются самовоспитание, самопознание, самосовершенствование, основанные на принципе свободы воли. И здесь перед нами встает вторая фундаментальная проблема – проблема индивидуального сознания и его связи с общественным сознанием.

Безусловно, общественное сознание программирует во многих отношениях индивидуальное сознание, но, с другой стороны, индивидуальное сознание создает широкие возможности ценностных и смысловых новообразований, которые могут в дальнейшем обрести статус общественного сознания. Во всяком случае, все новые идеи первично возникают в форме субъективной реальности отдельной личности, выражаются вначале от 1-го лица, имеют автора; они проходят часто сложную обработку на уровне аутокоммуникации, приобретают ясную словесную форму выражения от 3-го лица, передаются затем во внешние коммуникативные контуры, где определяется их интересубъективный статус, а возможно, и качество истинности.

Но это только одна сторона дела. Особенно важны вопросы социальной действенности сознания, действенности новых идей. Она осуществляется только в форме активности индивидуальных сознаний, убеждениями, волей конкретных личностей. Здесь – широкий комплекс вопросов, требующих основательного анализа, от которого зависит глубокое понимание проблемы сознания в целом и дальнейшая разработка её чрезвычайно актуальных для нашего времени вопросов.

Проблема индивидуального сознания была для меня одним из центральных пунктов дискуссии с Ильенковым. Дело в том, что он, как и многие его сторонники, твердо считал, что проблема индивидуального сознания не является философской, что это сугубо психологическая проблема. Всё вершит общественный субъект («народ», «класс» «партия»). Что значил «индивидуум»? Если он в чем-то выпадал из «народа», «класса», «партии», он просто переставал существовать. Философской является только проблема общественного сознания, предметом изучения тут являются нормы и формы культуры, сущность социальных процессов, социальной практики, а не какие-то психологические состояния и мимолетные переживания типа ощущений, восприятий или эмоций.

Проблема идеального.

Объективная реальность и субъективная реальность

Отрицание Ильенковым философского статуса индивидуального сознания связано с его концепцией идеального и определяет основные разногласия в нашей дискуссии. Его позиция во многом напоминала мне своего рода «марксизированный» вариант концепций Платона и Гегеля. Идеальное истолковывалось как всеобщая и необходимая форма деятельности человека, как объективная «схема предметной деятельности», независимая от сознания индивида, но управляющая им. Поэтому все чувственные отображения или эмоциональные состояния, мимолетные мысленные догадки или решения, более того, умозаключения данного индивида не являются идеальными. Но тогда они должны быть названы материальными. И замечу, что всё это Ильенков обязан был относить и к самому себе, к своим мимолетным и не мимолетным мыслям и к своим личным убеждениям о природе идеального. Иначе выходит, что он – некий Супер-Мыслитель с особым устройством своего сознания, избранник Абсолютной Идеи Гегеля.

Именно исходные посылки концепции идеального у Ильенкова выглядели, на мой взгляд, недостаточно чётко определёнными в плане соотнесения и различения марксистского, материалистического и платонистского, идеалистического подходов к проблеме сознания.

С конца 60-х вплоть до начала нашего века дискуссии по проблеме идеального то вдруг вспыхивали, то угасали. В них принимали участие многие известные философы и психологи: И.С. Нарский, В.Н. Сагатовский, В.С. Тютин, М. Лившиц, А.Я. Пономарев, Л.А. Абрамян и др. А в 2000 году вышла книга К. Любутина и Д. Пивоварова, в которой они объявили, что на основе критического рассмотрения концепций Ильенкова, Дубровского и Лившица они создали «синтетическую теорию идеального», объединяющую сильные стороны концепций трёх авторов, и таким образом решили проблему идеального. При этом они выступают против «нематериальности идеального», оно определяется как «система операций» в смысле, близком к концепции Бриджмена, на которого они и ссылаются, посвящая ему целый раздел книги. На мой взгляд, всё это не выдерживает элементарной критики, что я попытался показать [Дубровский 2000; Дубровский 2002: 241–270].

Теперь кратко напомню о моей концепции идеального. Она прямо заявляет, что служит защите материалистической позиции и объяснению ключевых вопросов проблемы сознания. Отсюда исходная посылка: если материальное есть объективная реальность, то противоположное понятие идеального должно означать субъективную реальность и тем самым призвано выражать специфическое и неотъемлемое свойство сознания. Само качество субъективной реальности требует основательного осмысления, и прежде всего в том отношении, что оно – персонально и что только оно удостоверяет существование личности для неё самой. Вне этого качества не может быть никакого сознания. В глубоком сне без сновидений, в состояниях наркоза, при обмороке и т. п. личность для себя не существует.

Понятие субъективной реальности охватывает всё огромное множество осознаваемых психических явлений – от простейших ощущений, восприятий, эмоциональных состояний, смутных разнородных переживаний, в том числе мимолётных или стойких, до отчётливо сформулированных в языке мыслей, абстрактных понятий, нравственных установок, целеполаганий, волевых усилий, экзистенциальных смыслов, концептуальных построений и самых высоких идей и идеалов. Конечно, все эти состояния объективируются в памяти, языке, практических навыках, достояниях культуры. Но это особый вопрос, требующий специального рассмотрения. Ясно одно, что сознательная активность человека проявляется только в форме его субъективной реальности, его мыслей, желаний, стремлений, воли.

Субъективная реальность – первичная форма виртуальной реальности, но не менее значимая для человека, чем стол, за которым мы сейчас сидим. Субъективная реальность – неотъемлемое свойство индивидуального сознания. Она присуща и общественному сознанию, но только в том смысле, если определённое содержание общественного сознания становится достоянием индивидуальных сознаний. В объективированных формах и нормах культуры самих по себе нет идеального, это объективно существующие явления социальной реальности, социальная информация. Центром всего является живая человеческая личность, она творит – умно ли, глупо, по-доброму или преступно, системно или безалаберно – социальную действительность и несёт за это всю полноту ответственности. Вот почему без индивидуального сознания нет и не может быть никакого общественного сознания.

Отрицая философский статус индивидуального сознания, Ильенков перечёркивает важнейшие философские традиции и направления, не говоря уже о таких, как экзистенциализм, феноменология, философская антропология. Для него не существовало, например, Тацита и Монтеня, великой философской поэзии Ницше, произведений Ясперса, Бердяева, Ортеги-и-Гассета, выдающихся философских прозрений природы человека. Он фабрикует абстракт-

ный концепт, в котором нет единичного, индивидуального, нет реального сознания, живого человека.

Я разрабатывал концепцию субъективной реальности в течение 60–70-х годов, имея целью реабилитацию философской проблемы индивидуального сознания. Сейчас она в этом уже не нуждается, но многие актуальные вопросы этой проблематики разрабатываются до сих пор крайне слабо, наша марксистская традиция в смысле её прежней проблематики всё ещё даёт себя знать в массовом философском сознании, что сказывается на нынешнем уровне разработки проблем индивидуального сознания.

В начале 80-х я написал книгу «Проблема идеального», которую долго мариновали в издательстве «Мысль». Но она всё же вышла там в 1983 году [Дубровский 1983; Дубровский 2002]. Это была первая книга, первое монографическое исследование в нашей философской литературе, специально посвящённое проблеме идеального. Об этом факте, насколько мне известно, почему-то никогда никто не упоминал. В ней помимо обзора и анализа дискуссий по этой проблеме содержалось систематическое рассмотрение всех основных аспектов категории идеального как субъективной реальности: объяснение связи явлений субъективной реальности с мозговыми и – в целом – с физическими процессами, её информационная природа, отношение к бессознательному, к самопознанию и основным эпистемологическим вопросам. Были подробно рассмотрены: взаимообусловленность индивидуального и общественного сознания, коммуникативные аспекты проблемы идеального, его связь с языком, соотношение категории идеального с понятиями идеи, идеализации и идеала. При этом главное внимание уделялось анализу ценностно-смысловой и деятельно-волевой структуры субъективной реальности и, думаю, самое важное – разработке феноменологии субъективной реальности. Спустя 20 лет вышло второе, существенно дополненное издание этой книги [Там же]. Этой проблематике я и далее посвящал ряд работ. Обобщающая статья «Субъективная реальность» вышла недавно в новой «Философской энциклопедии».

Говоря о фундаментальной структуре философского знания, я выделяю в нем четыре основных категориальных измерения: онтологическое, гносеологическое, аксиологическое (ценностное) и праксеологическое (целесолагание и целереализация, воля, вера, творческая и в целом деятельная активность); соответственно, выделяются четыре основные типа философских проблем. Эти категориальные измерения не редуцируемы друг к другу, но они взаиморефлексируемы. Это означает, что, разрабатывая онтологический план проблемы субъективной реальности, необходимо анализировать те познавательные средства, с помощью которых мы описываем и объясняем эту реальность, а также рассматривать её сквозь призму остальных категориальных измерений.

Помимо указанных четырёх выделенных категориальных планов есть ещё один синтетический план, объединяющий все эти планы, а именно – экзистенциальный, представляющий особенно актуальную в наше время проблематику подлинных человеческих смыслов и ценностей, которая оборачивается их дефицитом, нарастающим абсурдом во всех сферах жизни. Убеждён, что именно экзистенциальная проблема, взятая в её личностном, социальном и глобальном, цивилизационном аспектах, является главной философской проблемой нашего времени. Поэтому я целиком разделяю концептуальную установку Ю.В. Синеокой, которая выделяет специфику понятия экзистенциала по сравнению с понятием идеи и справедливо утверждает, что вне экзистенциального личного опыта и его осмысления философия невозможна [Синеокая 2020: 5–14]. «Поэтому, – пишет она, – отдавая дань традиционному взгляду на историю философии как летописи логики становления идей и смыслов, я уверена в перспективности иного историко-философского измерения, отправным пунктом которого служат экзистенциалы» [Там же: 8]. «В основе любой философской темы лежит личная экзи-

стенциальная человеческая проблема». И важно осмыслить, «как из переплетения личных и творческих судеб мыслителей кристаллизуются философские тексты» [Там же: 9].

Именно в указанных выше пяти планах должна основательно разрабатываться проблема сознания, как, впрочем, и другие фундаментальные философские проблемы (у меня по этому вопросу была в своё время опубликована специальная статья: Дубровский 1984 19).

Я уделил так много места проблеме субъективной реальности потому, что она, как и проблема «Сознание и мозг», занимала главное место в моих научных интересах и научной деятельности на протяжении всей моей жизни.

Загорский эксперимент

В середине 70-х всё, что касалось дискуссии с Ильенковым, получило своеобразный поворот, о чем я обязан напомнить. Тогда вся наша пресса трубила и била в фанфары по поводу «выдающегося мирового достижения советской науки». Четверо полностью слепых и глухих от рождения из Загорского интерната окончили психологический факультет МГУ, обрели высокий уровень образования и культуры, что было достигнуто на основе новых методов воспитания, основанных на марксистской теории формирования личности. Это получило название «Загорский эксперимент», во главе которого стоял Э.В. Ильенков. Его активно поддерживали известные психологи А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов, академик Н.П. Дубинин. Ю.А. Жданов, главный редактор журнала «Коммунист» Р.И. Косолапов, многие видные философы. В партийной прессе всему этому была дана самая высокая оценка. В органе ЦК КПСС, журнале «Коммунист», вышла статья Э.В. Ильенкова [Ильенков 1977: 68–79].

Геннадий Гургенидзе искренне радовался такому достижению, я вместе с ним тоже, хотя меня смущали теоретические обоснования, согласно которым у этой четвёрки психика якобы была сформирована «с нуля» (выражение А.Н. Леонтьева), являлась исключительно делом рук воспитателя. А это служило блестящим доказательством марксистской теории формирования личности в изложении Ильенкова. Суть вопроса была именно в том, что все четверо окончивших МГУ признавались тотально слепыми и глухими от рождения и не имевшими вообще человеческой психики. Поскольку она была создана у них воспитателем, то отсюда следовало, что врождённые факторы не играют никакой роли в формировании личности, и однозначно подтверждалась позиция Ильенкова в нашей дискуссии. Можно представить, как восторгалось философское сообщество, как воспрянули сторонники Ильенкова, какие эпитеты посыпались в мой адрес. В короткое время было защищено около десяти философских диссертаций на эту тему.

И тут в разгар триумфа со мной познакомилась одна молодая женщина, знавшая, что я оппонент Ильенкова, и потому искавшая со мной встречи. Она являлась сотрудником Института дефектологии и, что самое главное, преподавателем у знаменитой четвёрки, окончившей МГУ. Выражая острое недовольство действиями Ильенкова и тем, что он намеренно искажает факты, она сообщила, что никто из этой знаменитой четвёрки не был слепым и глухим от рождения, что они стали терять зрение и слух в довольно позднем возрасте, когда у них уже целиком сформировались образы мира, сознание и речь. Более того, у двух из них сохранились остатки слуха, а у двух других остатки зрения (например, один из них – Александр Суворов – самостоятельно передвигался по Москве, что вызывало возмущение Ильенкова, так как нарушало «чистоту» Загорского эксперимента).

С помощью этой женщины (она просила не называть её имени) я прошёл неофициально в Институт дефектологии, скопировал истории болезней четвёрки и другие документы, подтверждающие её слова, а потом перечитал указанные ею многие неизвестные мне материалы, опубликованные в Алма-Ате, в которых двое из этой четвёрки – Сергей Сироткин и

Александр Суворов – сами рассказывают о своих возможностях, скрывааемых Ильенковым. После этого в лекциях, которые я читал не только в МГУ, но и в других местах, я стал разоблачать фальсификации. Тогда тема слепоглухих была притчей во языцех, слушатели обязательно задавали вопросы, я отвечал, вызывая сильные эмоции как у моих сторонников, так и у противников.

Прошёл примерно месяц, меня вызвали в партком МГУ, предъявили анонимное письмо, в котором меня обвиняли в том, что я «обливаю грязью выдающееся достижение марксистской науки» и т. п. Это письмо было переслано заведующим отделом науки и культуры журнала «Коммунист», доктором философских наук Г. Волковым с настоятельной просьбой «принять меры». Я категорически отказался отвечать на анонимку, несмотря на настойчивые требования партийного чиновника. И тогда по мне дали залп из тяжёлой артиллерии.

В органе ЦК КПСС, журнале «Коммунист», вышла статья академика Дубинина, в которой были подвергнуты разгромной критике мои основные работы [Дубинин 1980: 62–74]. Потом выяснилось, что всё, касавшееся меня, было написано сотрудником редакции «Коммунист» и вставлено в статью Дубинина, который не возражал, так как поддерживал Ильенкова и сам в этой статье громил за «биологизацию социальных явлений» своих коллег – академика Астаурова и профессора Эфроимсона. В отношении меня после цитат из моей книги и статей говорилось, что Дубровский «в своих софистических рассуждениях, отталкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имеющих уже отнюдь не естественно-научный, но общественно-политический аспект [Там же: 72–73]. Провозглашая возможность расшифровки мозговых кодов психических явлений, он заявляет «претензию на рекомендации с совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций», игнорирует «азбучные истины исторического материализма» [Там же: 73]. И заключительный аккорд: «Тут налицо открытая ревизия марксистско-ленинского понимания сознания» [Там же].

Философы старшего поколения хорошо помнят, что тогда значили такие аттестации в органе ЦК КПСС, журнале «Коммунист». Как человек, который выступает с «совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций», демонстрирующий «открытую ревизию марксистско-ленинского понимания сознания», мог быть профессором философского факультета МГУ и заведующим отделом диалектического материализма журнала «Философские науки»? Надо было искать 169 работу по старой моей пролетарской специальности. В МГУ вокруг меня возникло подобие вакуума. Академик Бехтерева, с которой я тесно сотрудничал несколько лет, сразу порвала со мной отношения и запретила своим сотрудником общаться со мной (они, правда, её не послушали).

Меня в буквальном смысле спас Владимир Спиридонович Готт, который опять пошёл в ЦК к очень высокопоставленному партийному руководителю, и дело спустили на тормозах.

Что касается Загорского эксперимента, то у многих остался вопрос: занимался ли действительно Ильенков фальсификацией, утверждал ли он строго и однозначно, что его подопечные были целиком слепыми и глухими от рождения, совершенно не обладали психикой, которая была потом выработана у них «с нуля»? На этот счёт, к сожалению, нет ни малейших сомнений.

Вот его слова из статьи, опубликованной в журнале «Коммунист»:

Редко, но случается, что в руки воспитателя попадает существо, по всем биологическим показателям принадлежащее к виду «Homo Sapiens», но не обнаруживающее признаков человеческой психики – ни сознания, ни даже примитивных проявлений целенаправленной деятельности. Такое существо растёт, увеличивается в размерах, однако психическое развитие так и не начинается. Непосредственная причина этого – слепоглухота... [Ильенков 1977: 68–69].

Советская наука показала и доказала в данном случае, что научно организованный процесс воспитания даже при таком, казалось бы, неодолимом препятствии, как полное отсутствие сразу зрения и слуха, может вывести ребёнка на путь полнокровного человеческого развития и сформировать в нем не только психику вообще, но и психику самого высокого порядка... В этом сразу же убеждается каждый, кому удалось познакомиться с четырьмя удивительными людьми – Сергеем Сироткиным, Натальей Корнеевой, Александром Суворовым и Юрием Лернером [Там же: 69].

Ильенков ещё раз подчёркивает, что они, «если бы не специально разработанная система воспитания, были бы обречены на бессознательное существование» [Там же: 70]. «Исходное условие жёсткое: психики нет вообще, и «сама» она не возникает. Её надо сделать, сформировать, воспитать» [Там же: 71]. Всё это, однако, вопиюще противоречит фактам.

После того как во времена перестройки были сняты все партийные запреты, мы по линии секции «Философские проблемы психорегуляции, самосовершенствования и резервных возможностей человека», которой я руководил в Философском обществе, организовали и провели научную конференцию, посвящённую методологическим, историческим и этическим аспектам проблемы слепоглухоты. Она была весьма представительной. В ней приняли участие директор Института дефектологии В.И. Лубовский и ведущие сотрудники этого института: проф. В.И. Бельтюков, зав. лабораторией изучения и воспитания слепоглухонемых детей В.Н. Чулков и др., а также директор Института психологии А.М. Матюшкин, главный редактор «Психологического журнала» А.В. Брушлинский, известный психолог М.Г. Ярошевский, философы Г.С. Батищев, И.С. Нарский, С.Н. Мареев, И.З. Налетов, сотрудник Загорского интерната Д.П. Андрианов, ряд других философов и учёных. С докладом выступили заведующий сектором социальной реабилитации слепоглухих СКБ ВОС С.А. Сироткин и Э.К. Шакинова – кандидат философских наук, известный специалист в этой области.

По материалам конференции вышел сборник [Слепоглухонемота 1988; 2018]. В нем была чётко выявлена реальная картина, рассмотрены сложные методологические вопросы обучения слепоглухих, те творческие усилия сотрудников Института дефектологии, специалистов по тифлосурдопедагогике, которые позволили добиться успехов в окончании четырёх слепоглухими психологического факультета МГУ. Вместе с этим были чётко показаны все фальсификации, связанные с Загорским экспериментом, о которых речь шла выше.

Несмотря на то что факты фальсификации получили несомненное доказательство, сторонники Ильенкова многие годы, как ни в чем не бывало, выдвигают Загорский эксперимент в качестве главного доказательства истинности концепции Ильенкова [Ильенковские чтения 2016: 96–99, 127–130, 135, 136, 139 и др.]. Тоже своего рода феномен слепоты и глухоты (а скорее, всё та же фальсификация).

Особого внимания заслуживает в этом плане недавно опубликованная статья А. Майданского [Майданский 2019: 81–101] – давнего, весьма изобретательного апологета концепции Ильенкова, страстного борца против её критиков. Она ярко показывает, на каком уровне и какими средствами действуют такие борцы. Вначале автор обрушивается на крупного представителя генетики А.А. Малиновского, упрекая его в том, что он неправильно понимает «сущность человека», к которой генетика не имеет никакого отношения, ссылаясь на позицию Ильенкова и Загорский эксперимент. При этом Майданский (обратите внимание!) использует только одну его статью, опубликованную в 1970 году [Малиновский 1970: 92–95], и заявляет, что после этой статьи Малиновского «научный уровень полемики устремился к нулю», что «Дубровский со товарищи сместили дискуссию в этическую плоскость» [Майданский 2019: 84], что им «и в голову не пришло поразмыслить над тем, что такое пси-

хика вообще» [Там же: 91]; что они не понимают «теоретического уровня науки», «сущности теоретического мышления», «силы абстракции». «Только не у всякого эта сила абстракции между ушами имеется в нужном количестве» [Там же]. Тем же, кто говорит о сокрытии Ильенковым противоречащих его концепции фактов, – «от науки как до Луны».

Перечень таких страстных восклицаний можно продолжить. Как будто после 1970 года не было десятков публикаций, посвящённых критическому разбору концепции Ильенкова и его трактовки Загорского эксперимента. Неоднократно называя меня в качестве главного критика и высокомерно, одним махом ниспровергая мои оценки и выводы, он ни разу не приводит ссылок на мои работы, даже нигде их не упоминает.

Однако Майданский, судя по всему, всё же прочёл указанный выше сборник, посвящённый столь подробному критическому рассмотрению Загорского эксперимента. И что же? Наш «высоконравственный» борец за правду начисто игнорирует все многочисленные критические аргументы видных философов, психологов и, главное, специалистов-дефектологов. Он не оставляет камня на камне от основного доклада Сироткина и Шакеновой, не обращая внимания на слова директора Института дефектологии В.И. Лубовского: «Институт дефектологии поддерживает позицию по проблемам слепоглухоты и педагогической практики Загорского детского дома, изложенную в докладе С.А. Сироткина и Э.К. Шакеновой... Это нашло отражение в публикации их статьи в журнале «Дефектология», 1988, № 1, основные положения которой разделяет не только редколлегия журнала, но и коллектив учёных нашего института (см. статью в Приложении)» [Слепоглухонемота : 117].

До этого Майданскому нет дела. Он оценивает всё оптом, в таких выражениях: «Сборник докладов буквально сочился ядом и научной безграмотностью» [Майданский 2019: 91]. «Яд» и «безграмотность», конечно, относятся к докладам всех главных критиков. А ими были не только такие авторитетные философы, как Батищев, Нарский, но и ведущие психологи Ярошевский, Брушлинский, директор Института психологии АПН Матюшкин и, самое важное, директор Института дефектологии Лубовский и ряд сотрудников его института, т. е. те, кто своим неустанным трудом обеспечивал успешную учёбу в МГУ знаменитой четвёрки. Это они, оказывается, «сочились ядом и научной безграмотностью». Такое злобное оскорбление большой группы специалистов – возмутительно. Понятно, что это способ компенсации своих пылающих амбиций и собственной интеллектуальной ограниченности.

Я снова хочу «сместить дискуссию в этическую плоскость», ибо в научном плане с Майданским не о чем дискутировать. Как можно вести обсуждения с человеком недобросовестным, грубо нарушающим элементарные нормы научной этики.

Поскольку в последние годы вопросы дискуссии с Ильенковым и результаты Загорского эксперимента снова активно обсуждаются, а первое издание указанного сборника стало библиографической редкостью, возникла необходимость второго издания этой книги [Слепоглухонемота 2018].

Хочу особо подчеркнуть, что всё это вовсе не является чем-то наподобие сведения счетов с Э.В. Ильенковым. Я относился к нему с уважением, считал его талантливым человеком, искренним в выражениях своих марксистских убеждений. Безусловно, его неприглядная позиция, изложенная выше, была продиктована не личными интересами, а страстным желанием обосновать марксистскую концепцию воспитания личности и её гуманистическое значение. Это подогревалось в те годы «накалом идеологической борьбы» и не афишированной, но твёрдой уверенностью, что для борьбы против буржуазной идеологии все средства приемлемы.

Однако благие намерения не могут оправдывать искажения реальных фактов или их сокрытия. На эту тему в «Вопросах философии» были опубликованы две большие статьи Ю.В. Пущаева [Пущаев 2013а: 132–147; Пущаев 2013б]. Автор, признавая сами факты фальси-

фикации, тем не менее пытался оправдывать их благими намерениями и следствиями из общих установок концепции Ильенкова.

Издание первой книги

Здесь мне хотелось бы ещё раз вернуться в конец 60-х. После защиты я оформил диссертацию в виде монографии и подал в Совет по кибернетике, где с ней были уже давно знакомы. Её обсудили и две секции – по философским вопросам кибернетики и по медицинской кибернетике, рекомендовали её к публикации в академическом издательстве «Наука» – большая честь по тем временам. Я был счастлив и во всем обязан Научному совету, который проводил многочисленные мероприятия (конференции, дискуссии, издания сборников, в которых я активно участвовал). В них участвовали мои единомышленники и те, с кем я дискутировал, коллеги, оказавшие на меня значительное научное влияние. Помимо упоминавшихся выше, среди них были И.Б. Новик, В.С. Тюхтин, Ю.А. Шрейдер и др.

Рукопись книги передали в издательство, и началась следующая эпопея. Заведующий редакцией Кондаков был против, под разными предлогами почти два года тянул дело. Я много раз звонил и писал ему из Донецка, он вяло обещал, но впустую. Не реагировал он и на письма из Совета и на другие обращения, пока в редакцию на работу не поступил новый рядовой редактор Я.А. Мильнер-Иринин. Об этом замечательном философе и человеке надо знать и помнить.

Он был ещё до войны кандидатом философских наук, защитил диссертацию о Спинозе, потом специализировался в марксистской этике. Он обладал колоссальной работоспособностью, которую широко использовали его бывшие коллеги, ставшие перед войной и после неё главными философскими идеологами (академик Митин и др.). Он был убеждённым коммунистом в самом высшем смысле, бескомпромиссным, жёстко отстаивавшим свои взгляды вопреки замысловатым партийным «играм на верху», всяким «приливам» и «отливам». Как он выжил в период сталинской мясорубки конца тридцатых – большая загадка. Но его не раз сажали, выпускали, исключали из партии, опять сажали. И даже при «хрущевской оттепели» за его статью, которую ему удалось опубликовать, по этике его обвинили в антимарксистском «абстрактном гуманизме», и он был опять вне партии и безработным. Кто-то из его знакомых идеологических бонз всё же устроил его в редакцию. Он сразу пересмотрел длинный ряд рукописей, пылившихся на полках, нашёл мою, перечитал, она ему понравилась. И когда узнал, что Кондаков два года маринует её, обрушился на него с обвинениями в перестраховке и чуть ли не во вредительстве. А он был резким, громогласным, бескомпромиссным, никого и ничего не боялся. Он устроил Кондакову скандал, чего тот опасался больше всего. В итоге через месяц Яков Абрамович Мильнер-Иринин добился, чтобы мою рукопись включили в план издания на 1971 год.

В 1969 году, после защиты диссертации, я ещё долго жил в Донецке. И когда стал здесь единственным доктором философских наук, у меня начались большие проблемы. Мой зав. кафедрой, бывший партийный работник, боявшийся, что займу его место, стал строить мне козни. Я всегда читал лекции только по диалектическому материализму и ни разу по историческому материализму, всячески избегал идеологической фразеологии. Но теперь меня обвинили, что я ухожу от марксистской идеологии, и обязали читать этот курс. Я категорически отказался, мотивируя тем, что нужна специализация и что даже в крупных вузах Москвы кафедры диалектического и исторического материализма разделены. Это никого не интересовало. Назревали партийные наказания. Я собирался уехать в Москву. Спиркин, которого прочли директором вновь создаваемого Института психологии РАН, обещал меня взять старшим сотрудником. Я подал заявление об увольнении из института. Меня вызвали в об-

ком партии и грозили строгим выговором с занесением в личное дело. Но тут выручил сам зав. кафедрой, он понял, что я не конкурент, и рад был поскорее выдворить меня из Донецка. Пошёл в обком к близкому ему начальству, стал убеждать, что у меня большие связи в Москве, даже якобы в ЦК, лучше не связываться. Завалили на защите, а его вытащили, печатают в «Вопросах философии», приглашают в Москву. Зачем нам всякие сложности. Пусть проваливает. Дали команду ректору, и он сразу подписал моё заявление об увольнении. Свободен, как птица!

Я занял денег и уехал в Москву, снял с помощью знакомых комнату, сразу позвонил моему редактору Мильнеру-Иринину и начал с ним работать. Каждый день по шесть часов. С ним было трудно. «В книге нет мелочей!» – повторял он. Мы шли черепашьям шагом по каждой странице. Это для меня была строгая наука редакторского дела. Через два с половиной месяца такой напряжённой работы книга была готова и сдана в печать.

Но так же как со мной, с той же тщательностью он работал над своими публикациями, которые всегда отличались строгим и вместе с тем своеобразным стилем. Он создал фундаментальный труд «Этика, или Принципы истинной человечности» (32 а. л., писал его более 10 лет). В нем глубоко раскрывались общечеловеческие нормы нравственности. Книга делилась на разделы, которые назывались: «Принцип совести», «Принцип свободы», «Принцип самосовершенствования», «Принцип благородства», «Принцип благодарности». Эти «принципы истинной человечности» с непреклонным убеждением, страстно, афористично, часто в форме императива выражены автором. «Совість – это свет разума», «самоконтроль разума» [Мильнер-Иринин 1963: 32–33]. «Повинуясь велениям совести, ты повинешься своей осознанной сокровеннейшей и возвышенной сущности человека», «Высокое достоинство человека да будет для тебя священо!» Ещё несколько цитат, дающих представление об авторе:

Борись за добро, – всем существом своим, каждым биением сердца, каждым дыханием, борись за истину, борись за правду, борись за красоту... В этом одном – верховный смысл существования человека на земле, его наивысшее удовлетворение, полная реализация его творческой сущности, его истинное счастье [Там же: 149–150];

Всякое посягательство на свободу мысли есть непосредственное посягательство на внутреннюю духовную, или нравственную, свободу человека. Подавление свободы мысли есть не что иное, как методическое и систематическое разрушение человеческой природы [Там же: 375].

Не забудьте, что всё это писалось ещё в 50-х годах. А вот насчёт того, как не надо строить коммунизм:

Никто не может поручиться за то, что несомненный вред, наносимый человечеству и его моральному сознанию недозволенными средствами борьбы, будет хотя когда-нибудь возмещён осуществлением какой бы то ни было высокой цели. Тем более сомнительной цели, сомнительной потому, что не могут низкие средства привести к осуществлению истинно высокой цели [Там же: 390].

Разумеется, рукопись книги вызвала резкий отпор титулованных рецензентов. Автора обвинили в игнорировании классового подхода к этике, в «абстрактном гуманизме», который «льёт воду на мельницу буржуазной идеологии». Но Яков Абрамович не останавливался ни перед какими угрозами и репрессиями, он бил и бил головой в эту каменную стену. И случилось что-то похожее на фантастику: в самом начале 60-х, не знаю уж каким способом, ему удалось опубликовать свой труд тиражом в 60 экземпляров по специальному разрешению Секретариата ЦК КПСС, с пометкой «для служебного пользования». Все 60 экземпляров были пронумерованы и разосланы партийным чиновникам. Автор получил два экземпляра,

потом добыл ещё три (и у меня в качестве реликвии хранится один, бесценный подарок автора). Приведённые цитаты с указанием страниц взяты из этой книги.

Я специально уделил ей столько внимания, ибо удивительный факт издания этой книги и самоотверженная борьба Я.А. Мильнера-Иринина за принципы «истинной человечности» забыты. А ведь именно он был ведущей фигурой в преодолении нагромождений и ухищрений классовой этики, восстановления её общечеловеческого содержания (пусть и под флагом марксизма). Уже в 80-х, когда ещё давали о себе знать партийные шоры, возникла дискуссия по этике. Ему удалось тогда опубликовать статью, в которой он снова поднимал на щит «принципы истинной человечности». Но это опять завершилось резким осуждением в журнале «Коммунист».

Через несколько лет, во времена начавшейся перестройки, этика постепенно вошла в общечеловеческую колею, но о Мильнере-Иринине наши ведущие этики предпочитали уже не вспоминать. Обычная, знакомая ситуация: мавр сделал своё дело... Сколько раз мы уже видели такую несправедливость. Но его имя, безусловно, должно занять достойное место в истории советской этики и философии.

*Из Донецка в Москву.
Журнал «Философские науки». Философский факультет МГУ*

После переезда в Москву намечавшаяся перспектива устройства на работу сразу рассеялась. Спиркина не назначили директором Института психологии. Он был человек открытый, доверчивый, не очень практичный, и его легко отодвинул в сторону Ломов – опытный чиновник, зав. отделом в Министерстве просвещения, друг которого работал в ЦК КПСС и ведал этими вопросами. Заместителем Ломов взял Шорохову – суровую партийную даму из Института философии.

Мне надо было искать работу. А это оказалось нелёгким делом. Обошёл многие институты, но безуспешно. Нет мест, или зав. кафедрой кандидат, зачем брать доктора. Друзья хотят, но не могут помочь. И тут мне посоветовали обратиться к главному редактору журнала «Философские науки» Владимиру Спиридоновичу Готту, он, мол, тебя знает, хорошо говорил о твоей статье. Готт очень по-доброму встретил и сразу, что сильно удивило, сказал, что возьмёт меня. Скоро освободится место зав. отдела. Но месяца два надо поработать простым редактором. Пока его занимает профессор Коршунов из МГУ. Он станет зам. главного редактора, а вы пойдёте на его место. Я очень обрадовался, взялся за работу. Готт был мной доволен. Анатолия Михайловича Коршунова назначили заместителем главного редактора. Через несколько дней Готт пришел в редакцию хмурый, расстроенный чем-то. Вызвал меня в свою комнату и сказал, что очень огорчён, извиняется предо мной, ему не удалось решить мой вопрос, предложил взять меня к себе на кафедру, пока на полставки. Ну и замечательно, главное есть работа. Я искренне его поблагодарил, не сомневаясь, что он старался сделать для меня всё, что мог.

Прошло две недели, Готт попросил приехать в редакцию. Захожу к нему в комнату, он сидит довольный, хитро поглядывает на меня, улыбается: «Я решил ваш вопрос! Завтра утром поезжайте в партком МГУ, там всё известно». А дело, оказывается, было в следующем: должность заведующего отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания являлась на самом деле ставкой профессора философского факультета МГУ. Номенклатура ЦК КПСС. Заманчивая должность, сразу без конкурса – профессором. На это место первый зам. министра высшего образования ставил своего человека и, опередив Готта, уже согласовал это в инстанциях. Не знаю, что произошло, что подвигло Готта, но он пошёл к гораздо более высокому партийному деятелю и перебил эту карту. Так

я вдруг неожиданно для себя и для всех сразу стал профессором кафедры диалектического материализма философского факультета МГУ.

Откуда же у него такое всемогущество?

Об этом замечательном человеке, встреча с которым дала мне так много, открыла новый этап моей жизни, я обязан рассказать молодому поколению, хотя о нем много писали и он был и останется крупной фигурой в нашей философской жизни. Владимир Спиридонович Готт в период сталинских репрессий работал в Харьковском физическом институте, был учеником Ландау, в 25 лет стал кандидатом физико-математических наук, был членом партии и секретарём комитета комсомола института. В условиях разгрома партийных и комсомольских кадров его назначили в 1937 году первым секретарём Харьковского райкома комсомола, потом горкома комсомола, а через пару месяцев он был уже в обкоме партии, а накануне войны – в ЦК Украины. Затем был секретарём обкомов партии, в том числе Одесского, тесно работал с Хрущевым, занимал очень высокие должности и стал помощником Молотова по науке и культуре. После отставки Молотова он по своей воле ушёл на научную и преподавательскую работу, защитил докторскую диссертацию по философии на тему «Проблема симметрии и асимметрии в физике», возглавил кафедру философии Московского педагогического университета и стал главным редактором журнала «Философские науки».

Готт был по натуре общительным, добрым человеком, почти всегда с позитивным настроением, готовым помочь, посоветовать, поддержать, от него шла живительная энергия, доставлявшая собеседнику приятные чувства. Когда Готт был большим начальником, почти все нынешние партийные деятели самого высокого ранга были под его началом или на одном уровне с ним, и они сохраняли хорошие отношения с ним, даже поздравляли его с днём рождения. Но я точно знал, что он никогда не пользовался этими связями в личных интересах. Было несколько случаев, когда он обращался вверх для решения каких-то важных общественных дел, и был ещё один случай, касавшийся лично меня, когда он выручил из беды.

В журнале сложилась очень дружная деловая обстановка. Заместителями главного редактора были А.М. Коршунов и В.Н. Шевченко. Последний являлся заведующим отделом исторического материализма, и мы с ним по очереди готовили к печати каждый следующий номер журнала, разумеется, под руководством В.С. Готта. Владимир Николаевич Шевченко, с которым мы дружно работали 16 лет, стал со временем ведущим специалистом по проблемам социальной философии, заведующим сектором Института философии.

С Анатолием Михайловичем Коршуновым, который, работая в журнале, оставался заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов МГУ, мы быстро подружились. Он был известным мастером по прохождению на байдарках порогов высокого уровня (в потоках Оби и Печоры). Он вовлёк меня в эти замечательные походы, и мы с ним однажды вдвоём, на одной байдарке, прошли весьма сложный маршрут по порогам реки Щугор, притоку Печоры (правила безопасности запрещали такие походы с одной байдаркой, требовалось по крайней мере два экипажа; но у нас всё прошло удачно).

В редакции был ещё отдел – истории философии, которым заведовал Алексей Терентьевич Павлов, хороший, близкий нам человек. Но главную организационную роль играла Аврора Пружинина – ответственный секретарь журнала, отвечавшая за слаженную работу всех звеньев редакции. Мы её очень уважали и ценили. Она работала в журнале 50 лет. После её смерти в прошлом году в журнале сразу возникли трудные проблемы.

На кафедре диалектического материализма в МГУ, где я занял должность профессора, тоже была хорошая обстановка, руководил ею профессор Арчжил Якимович Ильин, о котором сейчас, к великому сожалению, мало кто помнит, а это был человек высокой философской культуры, тонкого ума, очень доброжелательный, к большому сожалению, рано умерший. Потом заведующим кафедрой стал С.Т. Мелюхин. Коллектив у нас был большей ча-

стью молодёжный: А. Панин, В. Купцов, С. Лебедев, В. Борзенков, а аспирантом был Владимир Миронов. Потом на кафедру пришли П. Алексеев и Ю. Петров. Я постепенно вписался в работу философского факультета, читал курсы лекций, руководил аспирантами, мне даже пришлось по настоянию Мелюхина, ставшего деканом факультета, быть два года председателем совета по защитам диссертаций по диалектическому материализму и логике (в этой тяжкой ноше мне помогал Александр Панин, который потом долгое время был деканом факультета).

У меня сложились хорошие отношения с профессорами других кафедр: Е.И. Войшвилло, А.С. Старченко, особенно с А.С. Богомоловым (кафедра истории западной философии). С ним у меня возникли общие научные интересы, касавшиеся развития в последние десятилетия одного из направлений постпозитивистского движения, которое именовалось «Научный материализм» и занималось как раз проблемой ментального и телесного, сознания и мозга. Оно было представлено многими известными западными философами, резко выступало против дуализма и идеализма, но отстаивало редукционистские принципы. При поддержке Богомолова, я серьёзно занялся чтением и осмыслением весьма обширной литературы этого направления. Он помогал знакомиться с новыми публикациями (тогда это было сложно), прикрепил ко мне свою аспирантку Светлану Бадмаеву (по его инициативе я стал её неофициальным руководителем; она хорошо знала английский и помогала мне в сложных случаях с переводами; в дальнейшем она стала крупным специалистом по этой проблематике). Я опубликовал ряд статей, посвящённых критике ведущих представителей «научного материализма», а затем написал книгу, в первой части которой критически рассматривались основные концепции этого направления, как физикалистского, так и функционалистского типа, а во второй части излагалась моя, более развитая к тому времени, концепция решения проблемы «Сознание и мозг». При этом подробно анализировалась специфика информационных процессов по сравнению с сугубо физическими процессами и главное внимание уделялось теоретическим и методологическим вопросам проблемы расшифровки кодов в общем виде и применительно к расшифровке мозговых кодов явлений субъективной реальности [Дубровский 1980; Дубровский 2020].

Осенью 1971 года, как и планировалось, в издательстве «Наука» вышла моя первая книга [Дубровский 1971; Дубровский 2020]. Она получила положительную оценку академика П.К. Анохина, ряда известных специалистов в области нейрофизиологии, психофизиологии и неврологии, таких как Л.П. Латаш, М.Г. Ярошевский, Е.И. Бойко и др. Особенно внимательно прочёл книгу профессор Евгений Иванович Бойко, человек ещё старого закала, высокой образованности и подлинной интеллигентности, который был заведующим отделом психофизиологии Института психологии и заведующим соответствующей кафедрой психологического факультета МГУ. Он пригласил меня выступить с докладом о моей концепции на заседании своего отдела. После этого я стал принимать участие в его работе. Мы с Евгением Ивановичем плодотворно сотрудничали ряд лет, я бывал у него дома, где мы за чашкой чая обсуждали сложные вопросы. После его смерти его жена передала мне мою книгу с множеством пометок, замечаний, высказываний Евгения Ивановича почти на каждой странице – столь необходимые для автора доказательства, что кто-то действительно прочёл книгу и она была для него интересна. На последних чистых листах книги были подробно высказаны общие, крайне лестные для меня оценки. Эту книгу я берегу как реликвию в память об этом замечательном человеке, общение с которым для меня было исключительно плодотворным. Как ни странно, эту книгу пятидесятилетней давности, к удивлению, переиздали в 2020 году [Там же].

Об учителях и учениках

Теперь надо ответить на заданный всем участникам проекта вопрос об учителях и учениках – для меня не такой уж простой. Если речь идёт о конкретных науках, со сложившимися направлениями и признанными лидерами, то там всегда есть действительные учителя и их ученики, и это очень важно. В философии – немного по-другому. Конечно, и тут есть определённые направления и «школы» с их признанными лидерами и теми, кто считает их своими учителями. Но в условиях советской, а в какой-то мере и постсоветской, действительности у меня сложилось своеобразное, может быть, не совсем обоснованное представление об учителе в философии. Ещё с университетских лет я насмотрелся на стольких философских учителей с их амбициями, фарисейством, страстью к самоутверждению и превосходству над другими, с их изощрёнными компенсациями своих комплексов, что мне хватило этого на всю оставшуюся жизнь.

Разумеется, это не означало, что для меня не было авторитетов, тех, кого я высоко ценил за их талант и высокие человеческие качества. К счастью, на моем пути встречались выдающиеся личности, перед которыми я преклонялся и которые оказали на меня неизгладимое впечатление. О некоторых я хотя бы кратко расскажу.

За мою долгую жизнь у меня было много подопечных – дипломников, аспирантов, докторантов и разных неофициальных искателей моей научной поддержки. Общение с некоторыми продолжалось долгие годы. Но я никогда не чувствовал себя в роли учителя. Более того, само слово «учитель», позиция «учителя» в философии вызывали у меня сложное, скорее скептическое отношение.

Что касается моих подопечных в научном плане, то я никогда не навязывал им своих концептуальных структур, уважал их самостоятельный выбор, помогал достигнуть приличного профессионального уровня, радовался их удачам. В большинстве случаев они были не учениками, а скорее коллегами. Может быть, поэтому среди них было так мало тех, кто шел по моим стопам, развивал мои концепции.

Кем из них я горжусь? – «сильный» вопрос. Среди них сейчас немало профессионалов высокого уровня и тех, кто реализовал свой философский дар. Например, мой самый первый в жизни аспирант Юрий Михайлович Сердюков из Хабаровска, давно ставший доктором наук и профессором, но помимо этого достигший высокого уровня в освоении восточных практик и в их философском осмыслении (у него тесные связи с китайской культурой). Он автор нескольких оригинальных монографических исследований, касающихся экстремальных состояний сознания, изучавший обширные материалы так называемого «околосмертного опыта» (Near Death Experience), процесса патологической деградации сознания и этапов его восстановления на материалах знаменитых исследований и восточных медитативных практик. Это имеет большое значение для разработки феноменологии субъективной реальности, а кроме того, весьма важно и в плане экзистенциальной проблематики.

Ещё один пример: Светлана Фарвазовна Нагуманова из Казани, защитившая три года тому назад докторскую диссертацию у нас в Институте философии, посвящённую критическому анализу попыток решения «Трудной проблемы сознания» в современной аналитической философии. Её монография на эту тему отличается высоким профессионализмом, потребовала глубокого знания чрезвычайно обширной англоязычной литературы и её кропотливого анализа. Думаю, это одна из лучших работ последних лет на эту тему.

И всё же я решил не оставить без ответа вопрос: кем я могу гордиться. Это – Гагик Микаэлович Назлоян. Он был моим студентом с первого курса учёбы в Донецком мединституте (с 1957 года) и, что удивительно, с самого начала проявлял интерес к философии и психофизиологической проблеме. Он стал со временем для меня близким, родным человеком, вер-

ным другом, жил несколько лет в нашей семье. Когда я переехал в Москву, мне удалось перевести его в Первый московский мединститут, который он окончил по специальности «психиатрия». Потом он поступил в психологическую аспирантуру к профессору М.Г. Ярошевскому, защитил кандидатскую диссертацию и стал работать психиатром в подмосковной психиатрической больнице.

Все эти годы мы постоянно сотрудничали, обсуждали трудные вопросы проблемы сознания, особенно под углом вопросов психиатрии, лечения шизофрении и аутизма. Психиатрия всегда была для меня важным ресурсом разработки проблемы сознания – ведь в норме динамические структуры субъективной реальности как бы слиты, а при психическом заболевании происходят различные диссоциации этих структур и во многом выявляется их сложное реальное устройство. Творческая мысль Гагика была в постоянном напряжении, он искал и находил новые подходы к лечению больных, пытался осмыслить глубокие теоретические вопросы нарушения сознания, диагностики и терапии психических болезней. Это был человек, без преувеличения, выдающегося таланта. Причём не только как врач. Он был замечательным художником и скульптором. Сделанные им скульптурные портреты своих пациентов поражали изумительно точным воспроизведением их патопсихических состояний.

Это определило новый этап его врачебной деятельности. Он создал свой метод лечения тяжелейших психических заболеваний, который назвал «портретным методом», «маскотерапией». В ряде существенных пунктов этот метод опирался на мою концепцию субъективной реальности, которую мы с ним постоянно обсуждали. Суть их том, что всякое явление субъективной реальности бивалентно, является единством иноотображения и самоотображения (т. е. в нем одновременно дано отображение некоторого объекта и самого себя). В простейшем случае самоотображение переживается в форме чувства принадлежности мне моего текущего субъективного состояния. Нарушение этого чувства вызывает феномен деперсонализации, т. е. нарушение отображения и переживания собственного Я, что чревато диссоциациями психической деятельности. В свою очередь, феномен деперсонализации вызывает феномен дереализации, т. е. нарушение восприятия внешних явлений и собственного тела. Таким образом, наше сознание обладает фундаментальным единством, взаимообусловленностью самоотображения и иноотображения.

Источники психопатологии – в нарушении этого единства. Поэтому главная задача при многих заболеваниях заключалась прежде всего в восстановление адекватного самоотображения собственного Я. Метод Г.М. Назлояна состоит в том, что при создании скульптурного портрета больного, в котором он участвует совместно с врачом, постепенно происходит восстановление адекватного отображения собственного Я, а тем самым его целостности, единства Я и не-Я. Этот метод обозначен мной в самых общих чертах, в нем есть много других компонентов и дополнительных действий. Но главное – искусство, методические приёмы врача-скульптора и активное участие в процессе самого пациента. Метод оказался исключительно продуктивным. Гагик Микаэлович Назлоян создал свой Институт маскотерапии, успешно практиковал во Франции и Швейцарии. На основе этого метода он излечил несколько сотен тяжелейших больных, которых безуспешно и долго лечили в разных других клиниках. У него была выставка множества скульптурных портретов излеченных им больных и хранились документальные материалы о каждом, которые свидетельствовали, что многие его пациенты стали известными математиками, поэтами, художниками, бизнесменами, обрели семью. Эти результаты представлены в его статьях и книгах [Назлоян 1994; Назлоян 2001].

Гагик Микаэлович Назлоян прошёл со мной всю мою жизнь, более полувека, прошёл все мои перипетии с защитами, гонениями и житейскими неурядицами. Это был талант самого высокого ранга, и он был моим самым верным, самым надёжным другом. Он умер четыре

года тому назад, и что-то в моей душе сильно опустело. Вот о нем я могу точно сказать, что горжусь им!

Кто больше всех повлиял на моё философское и научное развитие?

Из философов мне трудно кого-либо выбрать. О многих, кто оказал существенное влияние и кому многим обязан, я уже говорил. Но был один человек, о ком я могу точно сказать, что именно он оказал на меня самое сильное влияние: это – Владимир Павлович Эфроимсон, самая выдающаяся личность, с которой мне когда-либо приходилось состоять в дружеских отношениях. На его высоком лбу, в его сосредоточенном взгляде, одухотворённости облика, мощной энергетике проступала печать гениальности. Он был учеником патриарха российской генетики академика Кольцова. Я уже говорил о разгроме советской генетики в 1948 году, но серьёзные наезды на неё происходили уже в начале 30-х, когда стали плести сети вокруг Кольцова. В 1932 году Эфроимсона арестовали по надуманному предлогу и пытались выбить у него компромат на Кольцова. Не добившись ничего, его осудили по политической статье, и он провёл в тюрьмах и лагерях почти четыре года.

Он уцелел, удивительным образом не попал в начавшуюся вскоре мясорубку 1937 года. Может быть потому, что сразу после освобождения из лагеря уехал в Ташкент, где ему повезло устроиться и примерно год поработать в Институте шелководства. Здесь за столь короткий срок ему удалось, благодаря невероятной работоспособности, сделать выдающееся открытие в области генетики шелкопряда, которое имело прямое отношение к решению основных вопросов генетики, опередившее на несколько лет результаты западных учёных (за которые они потом получили Нобелевскую премию). Более того, он изложил свои результаты в книге, которая была уже набрана в типографии. Однако поднялась очередная волна гонений на генетику, и его изгнали из института, а набор книги рассыпали. Эфроимсон уехал в Харьков, преподавал в школе немецкий язык, а потом всё же устроился на Всеукраинскую станцию шелководства в г. Мерефе, где пытался продолжить свои исследования и восстановить уничтоженную книгу. Ему удалось защитить в Харьковском университете кандидатскую диссертацию, где ещё не успели добить генетику до конца.

Владимир Павлович был полон творческих планов. Но тут началась война, и он, будучи уже кандидатом наук, освобождённым от мобилизации, в первые же дни уходит добровольно на фронт. Он в совершенстве владел немецким и служил в разведбатальоне, воевал потом в разных частях, вернулся с войны со многими боевыми наградами. Успел в конце 1947 года защитить в Харьковском университете докторскую диссертацию по результатам довоенных исследований. Успел, так как уже через два месяца, в самом начале 1948 года, его изгнали из университета за «раболепство перед Западом».

Для него сразу после войны открылся новый фронт – борьбы за генетику, против всемогущей лысенковщины. Уже к 1948 году он провёл детальный анализ всех публикаций и опытов Лысенко, результатом чего явился обширный труд в почти 300 машинописных страниц, переплетённый на манер диссертации (у него сохранился один экземпляр, и он давал мне его почитать в 1983 году). В нем разоблачались подтасовки фактов, ложные обобщения, фальсификации в экспериментах. Владимир Павлович озаглавил этот труд предельно коротко и ясно: «О преступной деятельности Т.Д. Лысенко» – и пытался подать на Лысенко в суд, инкриминируя ему фальсификации, «наносящие невосполнимый ущерб науке и сельскому хозяйству страны». И это происходило в 1948 году! Подать в суд на президента ВАСХ-НИЛ Лысенко, любимца самого товарища Сталина! Его не посадили сразу, так как сочли, видимо, психически ненормальным. После того как его даже не пустили в здание суда, он подаёт заявление на Лысенко в отдел науки ЦК КПСС и прилагает к нему свой трёхсотстранич-

ный труд (что интересно, заведующим этим отделом тогда был знакомый уже нам Юрий Жданов).

После этого Эфроимсона арестовали, причём опять по политической, 58-й статье. И теперь он получил 10 лет, а заодно его лишили степени доктора наук. Снова тюрьмы, лагеря, каторжные работы, окружение уголовников. Вряд ли ему удалось бы выжить на этот раз, если бы не смерть Сталина.

В 1954 году его освободили, но не реабилитировали. Он не имел права жить в Москве, снимал угол в Клину, но с места в карьер включился в борьбу против лысенковщины, которая оставалась ещё в большой силе, так как получала поддержку Хрущева. Он направляет Генеральному прокурору СССР заявление против Лысенко под заглавием «О подрыве сельского хозяйства Советского Союза и международного престижа советской науки» (с приложением текста в 250 страниц, в котором документально излагаются факты фальсификации и обмана). Но это не имело никаких последствий. Со временем он переезжает в Москву, однако не может устроиться на работу. После разгрома генетики все руководящие посты в институтах, исследовательских учреждениях по биологии и медицине заняли сторонники Лысенко, а также, ещё в большей мере, ловкие приспособленцы, генетики, «признавшие свои ошибки». Владимир Павлович занимается рефератами, переводами (знает в совершенстве 6 языков), и так около 8 лет, до тех пор, пока не получил, наконец, возможности для исследовательской работы (и ему вернули отнятую докторскую степень).

Он написал и издал первую в нашей стране фундаментальную монографию по медицинской генетике [Эфроимсон 1964], которая несколько раз переиздавалась. А через несколько лет выходит его другой фундаментальный труд по иммуногенетике Эфроимсон 1971 50, положивший начало развитию этого чрезвычайно актуального направления в советской медицине. Его особенно интересовали вопросы генетики психических заболеваний, и он со своими учениками создал новое направление исследований, опубликовал выдающиеся по своему значению работы в этой области и опять-таки первую монографию [Эфроимсон 1977].

Но слегка подмаскированные лысенковцы, занимавшие высокие позиции, постоянно ставили ему палки в колеса, и они добились увольнения Эфроимсона с должности руководителя генетической лаборатории Института психиатрии и перевода его на пенсию, хотя для этого не было ни малейших оснований. Особенно поспособствовал этому ловкий интриган, энергичный приспособленец, умевший подлаживаться к любым партийным установкам, открытый и давний враг Эфроимсона Н.П. Дубинин (его недаром прозвали «Лысенко № 2»). Он обрёл к тому времени все самые высокие должности, звания и награды (академик, директор Института генетики, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда и т. д. и т. п.).

Лишенный лаборатории, Владимир Павлович с присущей ему энергией и последовательностью занялся теоретической деятельностью, опираясь на полученные им научные результаты и обобщая колоссальную информацию по генетике человека. В последние годы жизни он написал три выдающиеся по своему научному и философскому значению книги: «Генетика этики и эстетики», «Педагогика и генетика» и «Гениальность и генетика» [Эфроимсон 1995; Эфроимсон 1998]. Но несмотря на все его усилия и содействие друзей, ему так и не удалось издать эти книги, пробить дубининские заслоны.

Они были изданы лишь после его смерти. Владимир Павлович оставил мне их рукописи, и после ряда попыток и неудач мне удалось опубликовать две последние книги с помощью Елены Артемовны Изюмовой, которая в последние годы жизни Владимира Павловича была его добровольным секретарём и верным другом (у неё тоже были рукописи этих книг). Мы под одной обложкой издали не только указанные две книги, но и его пионерскую статью

«Родословная альтруизма», опубликованную журналом «Новый мир» в 1971 году и вызвавшую тогда большой резонанс в научной и философской среде, а также опубликовали обширное интервью, взятое у него незадолго до смерти, биографическую статью о нем, подготовленную Еленой Артемовной, мою статью о нем и впечатляющий список всех его научных работ [См.: Эфроимсон 1998].

Хочу подчеркнуть, что труды В.П. Эфроимсона имеют важное философское значение в плане разработки биосоциальной проблемы и, более широко, – для философской антропологии. У него были философские публикации, две из них – в «Вопросах философии» (см. журналы за 1966 г. № 2 и № 8). Владимир Павлович обладал высочайшей эрудицией не только в генетике и медицине, но и в области искусства, истории, психологии, был хорошо осведомлен в актуальных философских вопросах, которые мы с ним постоянно обсуждали.

Но главное состояло в том, что он был для меня образцом подлинного благородства, силы духа, неукоснительной принципиальности в научных и нравственных вопросах – живым свидетельством того, что высшие ценности реально существуют. Всё сказанное о нем позволяет понять, почему Владимир Павлович Эфроимсон оказал на меня наиболее сильное влияние из всех, с кем мне пришлось встречаться на жизненном пути.

Но это не отменяло, конечно, значительного влияния других личностей, которые по своей профессии тоже не принадлежали к философской епархии. Я много лет близко дружил с Теодором Юрьевичем Вульфовичем, известным кинорежиссёром и писателем. Он создал такие замечательные фильмы, как «Последний дюйм», «Крепкий орешек», «Товарищ генерал» и др., сохранившие свою ценность и сегодня. Он опубликовал несколько книг, посвящённых Великой Отечественной войне. Прошёл сам её с первых дней, был командиром взвода разведки в знаменитом Уральском добровольческом танковом корпусе, горел в танке, был несколько раз ранен, награждён боевыми орденами. Общение с ним и его другом, кинорежиссёром Григорием Чухраем, было для меня исключительно плодотворным, открывало новые истоки душевных сил и творческих побуждений.

Много лет я тесно общался с Анатолием Зверевым, несомненно, гениальным художником («природным гением», как его назвал бы Эфроимсон). Он был человеком «не от мира сего», часто месяцами жил не у себя, а у знакомых, много пил и бескорыстно раздавал свои великолепные работы. У меня с ним сложились добрые отношения, одно время я даже недолго жил в его квартире. Он не раз шуточно говорил: «Давай, старик, я тебя увековечу!» – и быстро, быстро делал чёрным карандашом наброски, в которых я узнавал в себе что-то не знакомое ранее. Зверев сделал три моих больших портрета маслом и несколько карандашом и тушью. И он создал гениальный, без малейшего преувеличения, совместный портрет моей дочери Иры и моего внука Вани, когда тому было два года. Эту работу высоко оценивали лучшие специалисты по изучению творчества Зверева. Я был свидетелем того, как со временем быстро нарастал интерес к произведениям Анатолия Зверева и как его творчество стало общепризнанным национальным достоянием. Открыты музей и постоянные выставки его работ, которые посещают тысячи любителей его живописи.

В последние примерно 15 лет у меня сложились дружеские отношения с писателем Михаилом Веллером. Это было связано с его давними философскими интересами и оригинальными, я бы сказал, дерзкими публикациями на философские темы, которые я подверг критике в «Литературной газете». Однако, познакомившись потом с его другими работами и с трёхтомником, посвящённым проблеме энергоэволюции, я проникся к нему большим уважением. Эти три объёмистые книги впечатляют глубокими знаниями автора в области физики и биологии, его самостоятельными по своей направленности и результатам исследованиями философских проблем эволюции. Им написана весьма интересная книга о соотношении правды и обмана, в которой поставлены острые философские и социальные вопросы. Ведь я

тоже, ещё с начала 90-х, занимался проблемой обмана и самообмана, издал в 1994 году небольшую книгу, первую в нашей философской литературе; потом вышло второе, дополненное её издание [Дубровский 1994; Дубровский 2010]. По вопросам обмана и самообмана года три тому назад мы с М.И. Веллером провели в Институте философии дискуссию, в которой принимали участие многие наши сотрудники.

Должен сказать и о моем сорокалетнем стаже общения и сотрудничества с заслуженным артистом России, известным мастером психологических опытов Юрием Горным. Его хорошо знают в нашем институте, он не раз демонстрировал нам свои удивительные способности и стремился дать их научное объяснение, страстно выступал против расплодившихся магов, экстрасенсов, лжецелителей, активно помогал их разоблачению. Он был членом бюро нашей секции по проблемам психорегуляции, самосовершенствования и резервных возможностей человека, внёс большой вклад в её работу, особенно в период, когда мы добивались и, наконец, добились запрета деятельности «всемогущего» всероссийского телевизионного лектора Кашпировского.

Остался последний вопрос: об участии в разных философских сообществах и организациях, которые были для меня особенно значимы. За долгую жизнь я участвовал во многих, трудно перечислить. Поэтому я назову только две организации. Первая – это Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований (сокращённо НСМИИ). Он был создан по инициативе моей, А.Ю. Алексеева и В.А. Лекторского в результате организованной нами в начале 2005 года Всероссийской конференции «Философия искусственного интеллекта». Для меня это было особенно важно, как задача возрождения Научного совета РАН по кибернетике, которому я стольким обязан (после смерти академика А. И. Берга он через некоторое время распался).

Председателем НСМИИ согласился стать академик В.Л. Макаров, тогда член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук, директор Экономико-математического института РАН. Академик В.А. Лекторский, я и академик С.Н. Васильев стали сопредседателями, А.Ю. Алексеев – учёным секретарём и координатором научных программ совета. В состав совета вошли ведущие российские учёные (кроме философов, специалисты в области компьютерных дисциплин, информатики, математики, нейрофизиологии, психологии, лингвистики, учитывая, что задачей совета является комплексная разработка междисциплинарных проблем искусственного интеллекта). Сейчас членами совета являются 18 академиков и членов-корреспондентов РАН. В июне 2020 года статус совета был повышен. Теперь он является Научным советом при Президиуме РАН. На протяжении более 16 (!) лет мы работаем на общественных началах, у нас 18 секций по отдельным актуальным проблемам и 17 отделений совета в крупных научных центрах страны. Вся эта большая работа ведётся все годы на базе Института философии, который предоставляет нам помещение и создаёт необходимые условия для проведения заседаний совета, научных конференций, симпозиумов, для ежемесячных теоретических семинаров совета. Недавно мы отметили юбилейное, 100-е заседание совета и нашего теоретического семинара. Хочу подчеркнуть, что все директора Института философии, академики В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, оказывали совету всемерную поддержку. Особенно мы благодарны Андрею Вадимовичу Смирнову за то внимание, которое он уделил организации работы нашего совета в новом помещении института, и за то, что, благодаря его инициативе, он получил статус Научного совета при Президиуме РАН.

Вторая организация, о которой я хочу сказать, не имела прямого отношения к моим служебным делам, но сыграла очень важную роль в личной жизни, так как помогла сохранять долгие годы жизненный тонус и работоспособность. Это – школа карате-до Уёчи-рю. Я занимаюсь карате с 1971 года. У меня был замечательный учитель, Владимир Елисеев,

один из самых крупных мастеров карате в Советском Союзе. Будучи профессором МГУ, я учился у него 8 лет, и он открыл мне новые горизонты самопознания и психической саморегуляции. В 1986 году я получил чёрный пояс и диплом от имени Японской федерации карате, стажировался в Китае у шаолиньских мастеров, сам вёл многие группы своих учеников, в том числе 7 лет в нашем институте. В ней занимались Руткевич, Лисеев, Коняев, Майленова, Божко, Пронин, Пирожкова, мои аспиранты и др. Ряд из них достигли хороших результатов, а А.М. Руткевич получил коричневый пояс. Это – весьма высокий ранг в нашем стиле карате-до, достигнутый им в процессе многолетних систематических занятий.

В конце 80-х, когда карате у нас было запрещено (действовала ещё статья 219 Уголовного кодекса), мы создали при Философском обществе Всесоюзный центр изучения восточных единоборств. Это стало возможным при поддержке академика Ивана Тимофеевича Фролова, который занял посты Секретаря ЦК КПСС и главного редактора газеты «Правда», оставаясь президентом Философского общества. Я около трёх лет был председателем этого центра, мы создали его отделения в республиках и крупных городах Советского Союза, организовывали показательные выступления и соревнования, издавали литературу, в которой обсуждались философские аспекты восточных единоборств [Феномен каратэ-до 1989]. Меня вызвали в прокуратуру, но после того, как я адресовал тех, кто вёл допросы, к Фролову, меня оставили в покое (для ЦК КПСС закон не писан). После отмены уголовной статьи я передал центр своему заместителю, который, к сожалению, его быстро развалил. Я пытался издавать журнал по карате и газету, но неудачно. Однако в последующие годы опубликовал ряд статей по философским вопросам восточных единоборств и истории их развития в нашей стране [Дубровский 1989: 4–8; Дубровский 1998: 46–57; Дубровский 2011: 153–173 и др.].

Концепции восточной философии, связанные с проблемой сознания, всегда представляли для меня большой интерес. В последние годы мне выпала счастливая возможность обсуждать их с Его Святейшеством Далай-ламой, который дважды приглашал с этой целью небольшую группу российских учёных (В. Лысенко, акад. К. Анохин, Т. Черниговская, Ю. Александров, акад. Н. Янковский) в Нью-Дели (2017), а потом в свою резиденцию в Дхарамсале (2018). Это были весьма поучительные обсуждения проблемы сознания под углом философии буддизма, оставившие глубокое впечатление о личности Далай-ламы и, что важно подчеркнуть, о его эрудиции в современной науке. Читая его книги, я всякий раз удивлялся этому. По просьбе «Тибетского Центра» я написал обстоятельное предисловие к его замечательной книге «Вселенная в одном атоме» [Дубровский 2018: 3–21], в которой он рассматривает отношение буддизма к современной науке.

Вместо заключения

Хотел бы высказать несколько общих соображений о нашей философской деятельности и моем отношении к её чрезвычайно многомерному содержанию. Мои оппоненты до сих пор называют меня сциентистом и позитивистом. Мне это смешно. Я всегда ясно понимал первостепенную роль социогуманитарных подходов к исследованию сознания и значение теоретической работы в этой области. Но во всем нужна определённая мера, которая регулируется историческим, по существу, эмпирическим, жизненным, экзистенциальным опытом, результатами научных исследований, апробированными положениями эпистемологии о соотношении теоретического и эмпирического знания, рядом других средств. Когда эта мера нарушается, нам предлагаются велеречивые неопределённости или схоластические упражнения. Поэтому я всегда придавал принципиальное значение анализу средств обоснования того, что утверждает или отрицает философ, и отдавал предпочтение строгому, концептуаль-

ному способу изложения своих собственных рассуждений и обоснований в тех случаях, где это было возможно.

Безусловно, философия располагает разными жанрами вплоть до эссе и публицистики. Вопрос лишь в уровне исполнения работ в соответствующих жанрах. У меня тоже есть публикации в жанре эссе (например, «Величие Эпихариды», «Смысл смерти и достоинство личности» и др.). Выношу их на суд читателя [Дубровский 2010: 216–235], чтобы подтвердить, что мне близки не только строгие теоретические работы, как, например, предложенное мной решение основных вопросов «Трудной проблемы сознания» [Дубровский 2015; Dubrovsky 2019: 85–103], но и работы, требующие свободного гуманитарного мышления с использованием художественных средств.

Я убеждён, что великая поэзия, художественная литература – не только необходимый источник осмысления проблемы сознания, но важнейший фактор философской деятельности в целом. Без этого духовного источника философский ум узок и «засушен». Гениальные поэтические образы и метафоры, доставляя эстетическое наслаждение, легко пересекают привычные границы противоположных смыслов, разрушают комфортные клише, обнаруживают неизвестные ранее степени свободы в нашем мышлении, создают в нем новые ценностно-смысловые образования и векторы активности, просветляют наш духовный мир. Когда мне было тридцать лет, меня поразила Лермонтов, который в 14 лет написал: «Находишь корень зла в себе самом, и небо обвинить нельзя ни в чем». Поэтическое прозрение – особый тип познания, оно обладает исключительной жизненной ценностью. У меня большая библиотека поэзии разных эпох и разных народов. Нетрудно почувствовать поэтическую связь времён и эстетическое, экзистенциальное, провидческое родство гениальных поэтов, принадлежащих к разным культурам, осознать их неоценимый вклад в мировую философскую мысль.

Другим неперенным источником философской деятельности для меня всегда служила история. Особенно привлекали три её периода, которые я изучал всю жизнь: Древний Рим, эпоха цезарей; Французская революция и Наполеон; а в советское время – период сталинских репрессий и история Великой Отечественной войны. В последние лет сорок я тщательно изучал катастрофические события 1941 и 1942 годов, наряду с массовым героизмом на фронте и в тылу, а в итоге – крах блицкрига, Ржевскую битву, тяжкие сражения и победоносные операции в последующие годы. У меня по этой тематике есть публикации [Дубровский 2016: 91–130; Дубровский 2018: 272–298], а также ряд интервью [Разговор о войне 8 мая 2020 // URL: <https://philos.msu.ru/node/3820> (дата обращения: 23.05.2020)].

Война – пробный камень изучения природы человека с её сильными и слабыми, положительными и отрицательными свойствами. Экстремальный опыт войны даёт достоверный материал для реалистических философских размышлений о противоречиях человеческой натуры, нашего сознания, который может быть полезен для философских размышлений о самом философском сознании, в том числе о сознании выдающихся философов. У меня в этом отношении за долгие годы сложилась одна из точек зрения, которую я назвал бы философским здравым смыслом. Она представляет собой своего рода интеграл опыта философских размышлений о природе человека, о критериях реального и нереального, о том, что все философы – идеалисты, материалисты, скептики, релятивисты и т. д. и т. п. – не более чем гомо сапиенсы, со своими личными концептуальными предпочтениями, ограничениями, амбициями, ментальными завихрениями, символами веры, ведущие к тому же постоянные тяжбы со своей упрямой плотью, то и дело посрамляющей их высокий дух, Они в своей обыденной и даже в профессиональной жизни, как правило, хорошо знают, «что почём в этом мире», в большинстве своём очень реалистично, практически оценивают свою наличную действительность, стремятся её улучшить для себя и близких. Вы скажете, это – банально, не имеет отношения к делу. Я же думаю, что иногда переключение на такой угол зрения полез-

но, позволяет разглядеть сквозь все концептуальные нагромождения, искусные, правдоподобные, безупречные логичные построения и всевозможные хитросплетения мысли некоторый глубинный, экзистенциальный инвариант подлинной реальности и жизненного смысла.

Внимательно изучая биографии выдающихся философов, мы и у них обнаруживаем дефицит жизненной радости и любви, недовольство собой и особенно другими, знакомый нам, всё тот же дефицит укоренённости в себе и в «жизненном мире» («Человеческое, слишком человеческое!», как говорил Ницше). И это может служить стимулом для более детального размышления о мировоззренческих особенностях философа и истоках его концепций. Вот почему предложенный Юлией Вадимовной подход вносит свежую, столь необходимую реалистическую струю в осмысление историко-философского процесса. Ведь хорошо известно, что недостаток материнской любви к своему ребёнку способен существенно влиять на формирование его мироощущения и мировоззрения. Или, наоборот, сильная, подлинная любовь в зрелом возрасте способна служить мощным творческим стимулом глубоких философских размышлений и откровений. Эти личностные факторы существенны для понимания и объяснения творчества философа. Их перечень можно расширить, включив другие стойкие эмоциональные установки позитивного и негативного характера. Необходимо усилить личностный акцент в историко-философских исследованиях. Установка, связанная со здравым философским смыслом, может этому способствовать. Думаю, что она в той или иной мере присуща многим из нас, но зачастую слабо рефлексивируется.

Несколько слов о впечатлениях об особенностях нынешней популяризации деятелей советской философии в средствах массовых коммуникаций и специальной литературе. Куда ни повернёшься, со всех сторон – Мамардашвили, Ильенков, Мамардашвили, Ильенков, немного реже – Зиновьев. Стараются родственники, друзья, активные сторонники. Увековечивают! Изобильно переиздаются их книги, выходят статьи, воспоминания и даже книги о них. По телевидению, в публицистике, в Интернете – опять они же. Создаётся впечатление, что такая избирательность поддерживается отдельными влиятельными философами и группами их близких сторонников, что у них в этом есть свой особый интерес.

Странная избирательность! Как будто у нас не было Лосева, Асмуса, Копнина, Кедрова, Рубинштейна, Готта, Бахтина, многих значительных фигур, действительно внёсших реальный вклад в развитие отечественной философской мысли, таких, например, как А. Спиркин, Б. Бирюков, В. Смирнов, А. Богомолов, Е. Войшвилло, Е. Никитин, В. Келле, М. Каган, и многих других. Особенно хотелось бы отметить труды таких выдающихся мыслителей, как Г.С. Кнабе, С.С. Аверинцев, Ю.М. Лотман, на фоне которых тексты многих наших ведущих философов выглядят весьма бледно и худосочно. На мой взгляд, надо создать в нашем институте хотя бы группу профессиональных специалистов по истории советской философии. Проект Юлии Вадимовны отвечает этой задаче.

Дубинин Н.П. 1980. Наследование биологическое и социальное. – *Коммунист*. – № 11. – С. 62–74.

Дубровский Д.И. *Википедия. «Дискуссия»*. – Раздел 2.1.

Дубровский Д.И. 1957. К вопросу об определении категории случайности. – *Вопросы философии*. – № 3. – С. 217–220.

Дубровский Д.И. 1958. Анализ-синтез как всеобщая форма отражательной деятельности мозга. – *Труды Сталинского медицинского ин-та им. А.М. Горького*. – Т. XI. – С. 18–25.

- Дубровский Д.И. 1968. Мозг и психика. О необоснованности отрицания психофизиологической проблемы. – *Вопросы философии*. – № 8. – С. 119–135.
- Дубровский Д.И. 1969. По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг». – *Вопросы философии*. – № 3. – С. 142–146.
- Дубровский Д.И. 2020. *Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики*. – М.: Наука, 1971. (2-е изд., доп. – М.: ЛЕНАНД, 2020.)
- Дубровский Д.И. 2020. *Информация, сознание, мозг*. – М.: Высшая школа, 1980. (2-е изд., доп. – М.: ЛЕНАНД, 2020.)
- Дубровский Д.И. 2002. *Проблема идеального*. – М.: Мысль, 1983. (2-е изд. Дубровский Д.И. *Проблема идеального. Субъективная реальность*. – М.: Канон+, 2002.)
- Дубровский Д.И. 1984. О специфике философской проблематики и основных категориальных структурах философского знания. – *Вопросы философии*. – № 11.
- Дубровский Д.И. 1989. Феномен каратэ-до. Восток и Запад. – *Феномен каратэ-до: философские, этико-психологические и юридические аспекты*. – М.: Философское общество СССР. Секция «Философские проблемы психорегуляции, самосовершенствования и резервных возможностей человека». – С. 4–8.
- Дубровский Д.И. 2010. *Обман: философско-психологический анализ*. – М.: РЭЙ, 1994. (2-е изд., доп. М.: Канон+, 2010.)
- Дубровский Д.И. 1998. Восточные и боевые искусства в контексте взаимодействия западной и восточной культур. – *Полигнозис*. – № 3. – С. 46–57.
- Дубровский Д.И. 2000. *Ещё раз о проблеме идеального (В связи с книгой К. Любутина и Д. Пивоварова «Синтетическая теория идеального»)*. – Екатеринбург; Псков, 2000. Статья переиздана в кн.: Дубровский Д.И. *Проблема идеального. Субъективная реальность*. – М.: Канон+. – С. 241–270.
- Дубровский Д.И. 2007. *Сознание, мозг, искусственный интеллект*. – М.: Стратегия-Центр.
- Дубровский Д.И. 2010. *Воспоминания*. – М.: Канон+.
- Дубровский Д.И. 2011. Великий учитель Гитин Фунакоси: философия, поэзия и проза каратэ-до. – *Гитин Фунакоси. Каратэ-до. Мой жизненный путь*. – М.: Канон+. – С. 153–173.
- Дубровский Д.И. 2015. *Проблема «Сознание и мозг». Теоретическое решение*. – М.: Канон+.
- Дубровский Д.И. 2016. Великий подвиг советского народа. К вопросу о цене Победы. – *Философия войны и мира*. – М.: СИДИ ПРЕСС АРТ. – С. 91–130.
- Дубровский Д.И. 2018. Буддизм и наука. (Предисловие). – *Далай-лама. Вселенная в одном атоме. Наука и духовность на службе миру*. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Фонд «Сохраним Тибет». – С. 3–21.
- Дубровский Д.И. 2018. Философ и война. – *Личность, культура, общество*. – Т. XX. – Вып. 1–2 (№ 97–98). – С. 272–298.
- Дубровский Д.И. 2019. *Проблема сознания. Теория и критика альтернативных концепций*. – М.: URSS.
- Ильенков Э.В. 1962. Проблема идеального. – *Философская энциклопедия: в 5 т.* – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия.
- Ильенков Э.В. 1968. Психика и мозг (ответ Д.И. Дубровскому). – *Вопросы философии*. – № 11. – С. 145–155.
- Ильенков Э.В. 1977. Становление личности: к итогам научного эксперимента. – *Коммунист*. – № 2. – С. 68–79.

- Ильенковские чтения... 2016. *Ильенковские чтения. Материалы XVIII междунар. конф. Белгород 28–29 апреля 2016.* – Белгород: Издательский дом «Белгород».
- Лекторский В.А. 1965. *Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии.* – М.
- Литвак Л.М. 2007. *«Жизнь после смерти»: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования.* 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. и со вступит. ст. Д.И. Дубровского. – М.: Канон+.
- Любутич К., Пивоваров Д. 2000. *Синтетическая теория идеального.* – Псков; Екатеринбург. 2000.
- Майданский А. 2019. Воспитание и природа: уроки Загорского эксперимента. – *Философская антропология.* – Т. 5. – № 1. – С. 81–101.
- Малиновский А.А. 1970. Некоторые возражения Э.В. Ильенкову и А.И. Мещерякову. – *Природа.* – № 1. – С. 92–95.
- Мильнер-Иринин А.Я. 1963. *Этика, или Принципы истинной человечности (На правах рукописи).* – М.: Наука. – С. 32–33.
- Мильнер-Иринин Я.А. 1987. Понятие о природе человека и его место в системе науки этики. – *Вопросы философии.* – № 5. – С. 71–82.
- Михайлов Ф.Т. 1964. *Загадка человеческого «Я».* – М.
- Назлюян Г.М. 1994. *Зеркальный двойник: утрата и обретение.* – М.: Друза.
- Назлюян Г.М. 2001. *Портретный метод в психотерапии.* – М.: ПЕР СЭ.
- Пушаев Ю.В. 2013. История и теория Загорского эксперимента. Начало (1). – *Вопросы философии.* – № 3. – С. 132–147.
- Пушаев Ю.В. 2013. История и теория Загорского эксперимента. Была ли фальсификация? (2). – *Вопросы философии.* – № 9. – С. 124–134.
- Разговор о войне... 2020. *Разговор о войне: профессор Давид Израилевич Дубровский. 8 мая 2020 г. Интервью ведёт А.П. Козырев.* – Доступно: <https://philos.msu.ru/node/3820>. – Проверено: 23.05.2020.
- Синеокая Ю.В. 2020. «Философия это не столько профессия, сколько образ жизни». Беседа Б.И. Пружинина с Ю.В. Синеокой. – *Вопросы философии.* – № 7. – С. 5–14.
- Слепоглухонемота... 2018. *Слепоглухонемота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность.* – М.: Философское общество, 1988. (2-е изд., доп. / Под ред. и с предисл. Д.И. Дубровского. – М.: Интелл, 2018.)
- Феномен каратэ-до... 1989. *Феномен каратэ-до: философские, этико-психологические и юридические аспекты / Отв. ред. Д.И. Дубровский.* – М.: Философское общество СССР. Секция «Философские проблемы психорегуляции, самосовершенствования и резервных возможностей человека».
- Эфроимсон В.П. 1964. *Введение в медицинскую генетику.* – М.: Медгиз.
- Эфроимсон В.П. 1971. *Иммуногенетика.* – М.: Медицина.
- Эфроимсон В.П. 1977. *Генетика олигофрений, психозов и эпилепсий.* – М.: Медицина.
- Эфроимсон В.П. 1995. *Генетика этики и эстетики.* – СПб.: Талисман.
- Эфроимсон В.П. 1998. *Гениальность и генетика.* – М.: Русский мир.
- Dubrovsky D.I. 2019. «The Hard Problem of Consciousness». Theoretical solution of its main questions. – *AIMS Neuroscience.* – No. 6 (2). – P. 85–103.